

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

БАРХАТНОЕ
УБИЙСТВО

20 ЛЕТ
ВМЕСТЕ
С ВАМИ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Бархатное убийство (сборник)

«ЭКСМО»

2013

Леонов Н. И.

Бархатное убийство (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2013 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-68362-8

Из посольства крохотного африканского княжества Буттулал в Москве похищен «Небесный Лотос» – огромный бриллиант редчайшей окраски. Камень является главной исторической реликвией страны, и его утрата – невозполнимая, страшная потеря для всех жителей Буттулала. Посол княжества обращается за помощью в Московский уголовный розыск, лично к генералу Орлову, и тот поручает дело своим лучшим сотрудникам – полковникам Гурову и Крячко. Сыщики незамедлительно приступают к расследованию и очень скоро выясняют, что бриллиант похищен членами тайной китайской преступной организации – триады...

ISBN 978-5-699-68362-8

© Леонов Н. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Бархатное убийство	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	43
Глава 11	50
Глава 12	56
Глава 13	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Николай Леонов, Алексей Макеев

Бархатное убийство (сборник)

Бархатное убийство

Глава 1

Солнце садилось. Последние лучи его легли на вершины стройных кипарисов, на склон горы, где расположились домики поселка, окрасив их в багряный цвет. А здесь, вблизи моря, где находилась вилла «Аркадия», уже лежала густая тень.

На скамейке, что стояла на самой верхней террасе прилегающего к вилле парка, сидели двое: Петр Тишкин, молодой человек 28 лет, высокий, но сутулый, с несколько мечтательным выражением лица, и его тридцатипятилетняя сестра Настя. Хотя они могли видаться и в течение дня, оба ценили этот вечерний час, когда им выпадала возможность побыть наедине, поговорить.

– Слушай, а Егор Борисович не говорил, когда мы назад в Москву вернемся? – спросила Настя.

– Нет, о возвращении речь пока не идет, – покачал головой Петр. – Сама подумай, как он может сейчас вернуться? Строительные работы в самом разгаре. Мало того, сейчас еще проверка идет. Вон, в Красной Поляне сколько приписок нашли, головы уже полетели. А ведь там такие зубры! Мы по сравнению с ними – мелкая сошка, и если у нас какое упущение найдут – запросто могут разорвать контракт. Нет, пока все не успокоится, пока хотя бы большая часть работ не будет выполнена, мы в Москву не вернемся.

– Что ж, и зимовать здесь будем? – недовольно произнесла сестра.

– Может, и так.

– Знаешь, я с Сашей-садовником разговаривала и с Константином Семеновичем. Они говорят, что зимой здесь неуютно. И свет то и дело отключают, и дорогу заваливает.

– Ну, темнота нам не грозит, – заметил на это Петр. – Вон, в подвале генератор стоит. Нужно будет – половину поселка можем светом обеспечить. Да и дорогу Егор Борисович может расчистить. Перебросит часть техники с одного из объектов – и расчистит. А что это тебе в Москву вдруг захотелось? В рестораны ты не ходишь, в клубы тоже. Наоборот, природу любишь. А тут кругом сплошная природа. Чувствуешь, какое благоухание?

– Да, природа здесь замечательная, – согласилась Настя. – Только у меня сердце почему-то не на месте. Все время жду, что какая-то беда случится. А ты ведь знаешь, мои предчувствия в основном сбываются, интуиция меня редко подводит.

– Да, ты у нас вроде ясновидящей, – кивнул Петр. – А вот у меня никаких таких предчувствий нет. Мне здесь хорошо. Природа – прямо как в Италии. Кипарисы, лавр... Море шумит... Нет, я не хочу уезжать. К тому же в свободное время читаю римских авторов – Вергилия, Катулла...

– Опять ты с книжками да с книжками, – заметила сестра. – Лучше бы в поселок сходил, на танцы. Или просто в санаторий заглянул, познакомился бы с кем...

– Это с кем же? – усмехнулся Петр.

– С девушкой какой-нибудь. Ты и в Москве один, и здесь. Что, всю жизнь один проживешь?

– Почему же один? У меня ты есть!

– Ну тоже сказал! – улыбнулась Настя. – Маму я тебе, худо-бедно, могу заменить, и заменяла, пока ты маленький был, а жену заменить не могу. Она бы за тобой присмотрела, позаботилась... Вон на тебе костюм новый, модный, а рубашка несвежая. Костюм такой модняцкий, что тебя в нем за Егора Борисовича принять можно.

– А ведь ты угадала! Костюм не мой, Егора Борисовича. Он сегодня, когда уезжать собирался, вдруг говорит: «Надевай, Петр. Мы с тобой одного роста, тебе подойдет. А мне маловат стал».

– И ты согласился? – удивилась Настя.

– Меня это немного покорило, – признался Петр. – Ты ведь знаешь, я таких вещей не люблю. Но он ведь от чистого сердца. Ладно, думаю, надену пару раз, а больше не буду.

– Да, наверное, ты правильно решил, – сказала сестра. – Смотри, солнце село. И как быстро темнеть стало! У нас не так... Темно, а все равно хорошо. Давай еще посидим.

– Нет, не могу, – решительно ответил Петр. – Мне еще надо с документами поработать, обращение в министерство подготовить. А ближе к двенадцати должны подъехать подрядчики, им надо деньги отдать – Егор Борисович просил.

– А сам он где?

– В Адлер поехал, переговоры вести о поставке щебня. Сказал, вернется только после полуночи.

– Он же вроде не собирался? – недоуменно покачала головой Настя. – Наоборот, велел мне сауну истопить, сказал, что париться будет. И Сергей, водитель, здесь, я его только полчаса назад видела. Кто же тогда машину повел?

– А он сам за руль сел, – объяснил Петр. – Понимаешь, он уехал потихоньку, чтобы с Татьяной не объясняться. Говорит: опять привяжется, не отлипнет.

– Да, что-то у них на этот раз размолвка затянулась... Не нравится мне это.

– Ну, а мне все равно. С Татьяной или без нее – лишь бы дело шло. Ну, ладно, я пошел. Если что, я у Егора Борисовича в кабинете.

– А я пойду тогда сауну выключу, – сказала Настя. – Да и лягу, спать уже хочется.

Брат с сестрой спустились к вилле, там и расстались: Петр вошел в здание и поднялся на третий этаж, в кабинет своего шефа – владельца группы строительных компаний «Перспектива» Егора Кривулина, у которого он служил секретарем, а Настя отправилась в пристройку, где находилась сауна.

Кабинет Кривулина не был заперт – Егор Борисович заявлял, что доверяет своему персоналу и уверен, что в его отсутствие никто, кому не положено, в кабинет не войдет. А положено было входить лишь Тишкиным – Петру, чтобы работать, составлять и отправлять документы, и Насте, чтобы проводить уборку.

Войдя, Петр включил настольную лампу (антикварная вещь: греческий сатир, догоняющий нимфу, их фигуры служили опорой для матового стеклянного шара) и сел к столу. Просмотрел несколько отчетов, присланных подрядчиками, затем включил компьютер и начал составлять обращение в министерство.

В доме было тихо, только откуда-то со второго этажа доносилась негромкая музыка – видимо, Татьяна, молодая топ-модель, очередная любовница Кривулина, включила телевизор. Все в доме знали, что она обожает мелодрамы и музыкальные программы и смотрит только их. А еще через открытое окно с площадки перед домом доносились два мужских голоса. Тишкин прислушался и понял, что это управляющий усадьбой Константин Семенович Чанба с кем-то беседует. Скорее даже не беседует, а выговор делает. Собеседника управляющего было почти не слышно, и Тишкин не мог определить, кто это. «Наверное, он охранника Бориса распечатывает», – решил секретарь.

Старинные напольные часы за спиной Тишкина ожили и мерно отбили одиннадцать ударов. Между ударами ему вдруг послышался еще какой-то звук – словно кто-то скребся в дверь.

Как кошка, старающаяся ее открыть. Однако кошки в доме не было, а овчарка Багира в дом не заходила. Тишкин оглянулся, но никого не увидел.

«Ну вот, скоро подрядчики должны за деньгами приехать», – подумал Петр открывая левую тумбу стола. Показалась металлическая дверца. Это был так называемый «ближний сейф», который использовался для хранения небольших сумм, на текущие расходы. Помимо самого Кривулина, ключ от сейфа имелся также у Тишкина. Он достал небольшой изящный ключ, открыл сейф и извлек из него три конверта, в которых лежали деньги для подрядчиков. Две суммы были небольшие – в 170 и 230 тысяч рублей, а вот в третьем конверте лежали уже солидные деньги – миллион шестьсот тысяч. Тишкин быстро просмотрел конверты, убедился, что деньги на месте. Подумав, переложил конверты в верхний ящик стола, а сейф запер. Придут подрядчики – он им сразу все выдаст, не станет задерживать. И показывать, где находится сейф, тоже не станет. Как говорится, береженого бог бережет.

Закрыв стол, Тишкин вернулся к работе. Он как раз начал набирать фразу «Участок дороги между Красной Поляной и Адлером в настоящее время готов на...», когда снова услышал за спиной какой-то звук. Петр хотел обернуться, чтобы посмотреть, но не успел – чьи-то сильные руки обхватили его сзади и набросили на шею веревку. Тишкин рванулся, стараясь освободиться, пытался позвать на помощь, но ему это не удалось – противник оказался гораздо сильнее его. Горло сдавило, дышать стало нечем. Из последних сил Петр дотянулся до веревки, схватился за нее, но сил, чтобы ослабить удавку, у него уже не было...

Глава 2

Погода с утра выдалась превосходная: солнце, легкий ветерок с моря. Можно весь день провести на пляже, купаться, загорать, сыграть две-три партии в волейбол с другими отдыхающими. А можно отправиться в какую-нибудь экскурсию, например, на знаменитое озеро Рица или в не менее знаменитые карстовые пещеры близ Гагр. Они туда с Марией накануне планировали съездить.

Однако ни одна из этих возможностей Гурова не прельщала. И настроение у него с утра пасмурное, совсем не под стать погоде. Хотя, казалось бы, что такого случилось? Ну да, жену срочно вызвали назад в Москву – оказалось, что труппе пришло приглашение на гастроли в Англии и надо срочно отрепетировать новый репертуар. Пришлось Марии спешно собираться, и вчера ночью Гуров проводил ее на аэродром.

Ну и что с того? Ведь это жену отозвали с отдыха, а не его. У него, впервые за много лет, все складывалось как положено. Никакое ЧП в последний момент не случилось, генерал Орлов не вызвал, не попросил «в последний раз» отложить поездку к морю и заняться очередным запутанным делом. И путевку достали в тот самый санаторий МВД в поселке Солнечная бухта, в котором Гуров мечтал отдохнуть. Причем достали на то самое время, о котором Гуров и Мария мечтали – на начало сентября. В самый бархатный сезон!

Другие мужики, наоборот, радовались бы, что все так сложилось. На юге – и один, без жены! Да что радовались – прыгали бы от счастья! Кругом полно милых девушек и дам, и не одна уже останавливала свой взгляд на высоком, атлетически сложенном полковнике полиции. Но вот так уж Лев Гуров устроен: без жены отдых ему был не мил. А что касается романов на стороне, что курортных, что каких других, он их отродясь не заводил. Да, таким его природа задумала – однолюб, и ничего с этим не поделаешь.

Поколебавшись, Гуров решил провести сегодняшний день на пляже. Натянул плавки, надел купальный халат (голышом по санаторию, как некоторые, он никогда не ходил – считал неприличным), взял полотенце и уже шагнул к двери, как вдруг в нее постучали.

«Кого это еще несет?» – подумал он, а вслух сказал:

– Войдите, открыто.

Дверь открылась, и в комнату вошел человек в дорогом летнем костюме. За спиной вошедшего маячил бритоголовый верзила, по виду – телохранитель.

– Вы – Лев Иванович? – спросил вошедший.

– Да, я, – ответил Гуров, причем у него возникло нехорошее предчувствие, что его отдыху пришел конец.

– У меня к вам одно важное и совершенно неотложное дело, – сказал визитер. – Можете уделить мне минут десять?

– Десять минут, так и быть, уделю, но на большее не рассчитывайте: я сюда отдыхать приехал, а не по делам.

– Я понимаю и прошу меня простить, что отвлекаю от отдыха. У меня действительно неотложное дело. Можно присесть?

– Садитесь, – махнул рукой в сторону стула Лев. Сам сел на кровать.

– Я – Кривулин, Егор Борисович, – начал посетитель. – Может быть, слышали? Нет? Я – владелец группы строительных компаний «Перспектива». Мы строим множество объектов по всей России и за границей. В частности, строим олимпийские объекты здесь, в Сочи, а также в Красной Поляне.

– Если речь идет о приписках, краже материалов и таком прочем, то я этим не занимаюсь, – предупредил Гуров.

– Нет, речь идет о гораздо более серьезных вещах, – заверил его Кривулин. – Если точнее – об убийстве.

– Вот как? И кто же убит? И где?

– Этой ночью был убит мой секретарь Петр Тишков, – объяснил Кривулин. – Убийство произошло на вилле «Аркадия». Это здесь неподалеку – вон за тем мысом.

– Но ведь местная полиция наверняка уже начала расследование, – заметил Лев. – Я-то зачем нужен?

– Да, ко мне на виллу уже приезжала оперативная группа, – согласился предприниматель. – Открыли дело, изучили место преступления, все честь по чести... Но я совсем не уверен, что они найдут убийцу, и это меня тревожит. Совершить преступление мог только человек, живущий на вилле. Посторонних в это время там не было, я ручаюсь. Вилла у меня хорошо охраняется, забраться туда незамеченным никто не сможет. А если убийца – свой, то под угрозой оказываются все, кто там живет. Кто может гарантировать, что он не совершит нового убийства? Я опасаясь за свою жизнь – вот причина, по которой я к вам обратился. Вы – человек известный. Мне о вас многие рассказывали – и полковник Пилипчук из ФСБ, и референт министра... Так что, когда я услышал, что вы здесь отдыхаете, то сразу подумал: «Вот кто может мне помочь!» Помогите, Лев Иванович, раскройте это убийство, уж я в долгу не останусь!

– Насчет «долгов» – это вы бросьте, – решительно заявил Гуров, – мне родное министерство платит! И мне кажется, у вас есть еще какая-то причина, почему вы ко мне обратились, только вы не хотите о ней говорить.

– Вы – проницательный человек, Лев Иванович, от вас ничего не скроешь! – развел руками Кривулин. – Да, такая причина есть. Понимаете, я веду дела с местными подрядчиками. И оплата работ зачастую идет помимо кассы, наличными, то, что называется «чистый кэш». Платят они с этих денег налоги или не платят – это не моя забота. Им так удобнее, и я должен к ним приспособливаться.

– Все понятно, – кивнул Гуров. – Непонятно только, какое отношение это имеет к убийству?

– Самое прямое. В тот вечер, когда Петра убили, он находился в моем кабинете, ждал подрядчиков, чтобы отдать им деньги за выполненную часть работ. Всего было три конверта, на общую сумму в два миллиона рублей. Так вот, эти конверты пропали. Скорее всего, это ограбление, а Петра убили, потому что он там находился. Но рассказывать об этом местной полиции я не хочу, они сразу заинтересуются моей финансовой отчетностью, затеют десятки проверок... Я закон не нарушаю, поверьте, но если начнут проверять, у меня вся работа остановится. Вот почему я хочу, чтобы расследование провели вы. Вы будете искать не финансовые нарушения в работе Кривулина, а убийц Петра Тишкина.

– Но у вас есть еще один выход, – продолжал возражать Гуров. – Если вы опасаетесь за свою жизнь, почему вам в таком случае не уехать отсюда? Вернитесь в Москву – вы ведь там живете, верно? Вряд ли все, кто работает на вилле, поедут с вами.

– Да, из моих постоянных слуг здесь только горничная Настя – она, кстати, сестра погибшего, да еще телохранитель, он же шофер, Сергей, – он за дверью стоит. Повар Алексей, правда, тоже московский, но я его нанял только на это лето, с собой привез. А что касается остальных – егеря, садовника, управляющего, – то они все местные, и со мной, если я надумаю вернуться в Москву, конечно, не поедут, в этом вы правы. Но я не хочу уезжать! У меня здесь полно работы! Почему я должен пасовать перед каким-то мерзавцем, убившим моего секретаря?

Последние слова Егор Кривулин произнес с искренним чувством, его глаза сверкнули гневом, и это вызвало невольное уважение Гурова.

– Хорошо, я понял, что вы не хотите уезжать, но в то же время хотите чувствовать себя более уверенно, – сказал он. – У вас здесь, как вы говорите, много работы. Но я-то приехал не работать, а отдыхать. Вы хотите, чтобы я ради вашего спокойствия сломал все свои планы?

– Нет, не только ради моего спокойствия! – покачал головой предприниматель. – Я как-то не о том начал говорить... Для меня еще очень важно найти и наказать убийц Пети. Это был такой замечательный парень! Такой, знаете, тихий, книжный – это теперь редко встречается. И при этом – отличный работник! Он, видите ли, круглый сирота, Настя, его сестра, была ему вместо матери... Я хочу, чтобы его убийца понес заслуженное наказание!

На это Гурову возразить было нечего. Говорить что-нибудь вроде «Я отдыхаю, и гори все вокруг синим пламенем» у него язык не повернулся бы. Кроме того, он чувствовал, что история, рассказанная Кривулиным, начинает его интересовать. В нем проснулся сыщицкий азарт – хорошо знакомое чувство, которое овладевало им в начале каждого расследования. «В конце концов, я еще пятнадцать минут назад не знал, чем заняться, – подумал Лев. – Все равно без Марии мне отдых не будет в радость. Так чем маяться от безделья, не лучше ли взяться за это дело?» А вслух произнес:

– Хорошо, давайте съездим. Посмотрю, что и как. Но обещать вам я ничего не собираюсь.

– А и не надо ничего обещать! – воскликнул обрадованный предприниматель. – Давайте съездим! До моей «Аркадии» доедем буквально за десять минут!

Глава 3

– Нет, если поедем, то сначала не на виллу, – остановил его Гуров, а в морг, мне нужно осмотреть тело убитого. А затем в полицию, поговорить с оперативником, который ведет это дело.

– Тогда это поездка не на десять минут, – ответил Кривулин, – придется ехать в Лазаревское – мы относимся к тамошнему участку. Дознание проводит капитан Синичкин, Алексей Петрович, а следователя зовут Новиков Тарас Григорьевич. Я туда ехать не хочу – зачем? Все, что нужно, я им уже рассказал. Давайте сделаем так. Я вам отдам свою машину вместе с водителем, вы на ней быстро доедете до Лазаревского. Серега у меня ас, ездит так, что ему в пору в гонках участвовать. А я вернусь на виллу на такси.

– Что ж, не возражаю, – согласился Гуров.

Они вышли в коридор. Там, подпирая стену, ждал хозяина охранник. Это был человек лет тридцати с жестким, не улыбочивым лицом.

– Вот, Сергей, это полковник Гуров, Лев Иванович, – представил Кривулин охраннику своего спутника. – Отвезешь его в Лазаревское, в полицию, а потом – куда Льву Ивановичу будет нужно. В общем, на сегодняшний день поступаешь в его распоряжение.

Водитель не произнес ни слова. Молча повернулся и направился к лестнице, а затем вниз, к машине.

– Вы не смотрите, что он такой угрюмый, – шепнул Гурову Кривулин. – Зато водитель хороший и телохранитель тоже. У нас была парочка эпизодов, когда требовалась его защита, и он себя показал с лучшей стороны.

– Да я и не смотрю, – ответил Гуров. – Мне с ним детей не крестить.

На улице они расстались: Лев сел в машину предпринимателя – серебристый «Лексус», сверкавший на солнце, а Кривулин принялся вызывать такси. Едва Гуров закрыл дверцу, водитель тронул машину с места, резко набрав большую скорость, и до самого Лазаревского ни о чем не спросил, не произнес ни слова.

Войдя в полицейский участок, Лев спросил, где ему найти капитана Синичкина.

– Второй этаж, двадцать шестая комната, – сказал дежурный.

Гуров поднялся на второй этаж, нашел нужную комнату и открыл дверь. В кабинете сидели двое: парень лет двадцати пяти, в джинсах и спортивной майке, и девушка в полицейской форме. Оба старательно что-то набирали на компьютерах.

– Это вы капитан Синичкин? – спросил Гуров у парня.

– Да, я, – ответил тот.

– Я – полковник Лев Гуров, из Москвы, – представился Гуров и показал свое удостоверение.

Парень и девушка оторвались от своих компьютеров и уставились на него.

– Гуров? Тот самый? – удивленно проговорил оперативник, изучая удостоверение. – Очень рад! А вы у нас что, с проверкой? Да вы садитесь, садитесь! – спохватился он, придвигая Льву стул.

– Нет, я не с проверкой, – ответил Лев, садясь. – Я с расследованием. Меня тут попросили помочь в расследовании одного убийства.

– А, это вас, наверное, Кривулин попросил? – догадался Синичкин. – Хочет, чтобы вы провели следствие по делу об убийстве его секретаря?

– Верно, – кивнул Гуров, удивляясь прозорливости капитана. – А как вы узнали?

– А он, пока мы там все осматривали, уже высказывался в том смысле, что это дело не для нас, – усмехнулся Синичкин. – Не нашего ума, значит. Хотя я догадываюсь, почему он хочет нас от этого расследования отстранить. У меня есть сведения, что наш строитель наличкой

пользуется и соответственно налогов не платит. Вот он и не хочет, чтобы мы в его финансовых делах разбирались, поэтому к вам и обратился. А вы что же, прямо из Москвы по его вызову прилетели?

В последней фразе Гурову послышалось явное разочарование. Молодой оперативник не мог поверить, что знаменитый сыщик, про которого он столько слышал, срывается с места, чтобы выполнить просьбу олигарха средней руки.

– Нет, я прилетел не по вызову, – поспешил успокоить его Гуров, – а просто отдыхаю в санатории МВД в Солнечной бухте. То есть прямо по соседству с местом, где произошло убийство. Кривулин об этом откуда-то узнал и попросил меня помочь в расследовании. Хочу сказать, что слово «отстранить» здесь не годится. Я пока что согласился только съездить, поговорить с вами, осмотреть тело, ну, может, посмотреть еще место убийства. И ничего больше.

– А, вот оно как! – с облегчением воскликнул заметно повеселевший капитан. – Да вы не думайте, я не против! Наоборот, буду только рад, если вы к этому расследованию подключитесь. Дело-то, если честно, не совсем ясное.

– А давайте вы мне сейчас расскажете, что удалось выяснить, – предложил Гуров, – и тогда я решу, стоит мне подключаться или ну его.

– Давайте, – согласился Синичкин. – Только выйдем, в другом месте поговорим, чтобы Наталье не мешать, – кивнул он на свою соседку по кабинету, – а то срочно дело в прокуратуру сдавать надо. Лучше всего у нас в садике. Там и скамейка есть.

– Хорошо, поговорим на свежем воздухе, – сказал Гуров.

Они вышли из здания участка, обогнули его и сели на скамейку, расположенную среди кустов лавра.

– Значит, картина выглядит следующим образом, – начал Синичкин. – Убитый Петр Тишкин находился в кабинете своего шефа Кривулина. По словам самого Кривулина, он должен был работать над составлением важного документа – обращение в правительство по поводу выполнения ряда работ. О времени, когда он вошел в кабинет, у нас есть достоверные данные – они взяты из показаний сестры убитого, Анастасии Тишкиной. Она свидетельствует, что они с братом сидели в парке до десяти с чем-то часов, после чего она пошла спать, а он направился в кабинет.

– А где был в это время сам Кривулин? – спросил Гуров.

– По его словам, ездил в Адлер, вел переговоры о поставке щебня на стройку. Я уже проверил: да, владелец карьера подтверждает факт переговоров.

– И долго он отсутствовал? Не всю же ночь они беседовали о щебне?

– Нет, не всю. Кривулин вернулся на виллу уже за полночь. Если точнее – примерно в 12.20. Так точно удалось установить время, сличив показания самого Кривулина, его телохранителя Сергея Жилкина и охранника Бориса Глушакова – он открывал владельцу усадьбы ворота.

– А телохранитель ездил вместе с хозяином? – уточнил Лев.

– Нет, – покачал головой капитан, – Жилкин оставался на вилле. Хозяин вел машину сам.

– А почему? – удивился Гуров.

– Оба, и Кривулин, и Жилкин, объясняют это тем, что хозяин время от времени сам садится за руль, чтобы не утратить навыки вождения.

– Объяснение вроде логичное, но что-то здесь не так. Почему ночью? Почему при поездке на деловые переговоры на довольно большое расстояние? Уместнее было бы восстанавливать навыки при поездке к любовнице...

– К любовнице Кривулину ездить не надо, – усмехнулся Синичкин, – она у него прямо на вилле живет. Зовут Татьяна Осипова. 25 лет, официально работает в одном из московских рекламных агентств, а на деле, полагаю, блондинкой с параметрами 90-60-90. Ну и рост соответствующий, и лицо тоже ничего.

– Ладно, о любовнице поговорим позже, – прервал его Лев. – Скажите лучше вот что: кто обнаружил труп?

– Сам Кривулин и обнаружил, – ответил капитан. – Согласно его показаниям, вернувшись на виллу, он первым делом прошел в кабинет – спросить секретаря, готово ли обращение в правительство. И обнаружил, что тот мертв.

– Как было совершено убийство?

– Тишкин был задушен. Пока секретарь сидел за столом, кто-то подошел к нему сзади и набросил ему на шею кусок веревки длиной в метр, а потом затянул.

– Веревку нашли?

– Да, убийца ее бросил тут же, в кабинете.

– Секретарь пытался сопротивляться? Может, у него под ногтями остались следы кожи убийцы?

– Я тоже об этом подумал, – кивнул Синичкин. – Просил Самуила Ароновича, нашего доктора, посмотреть. Он говорит – нет ничего. Да вы сами можете проверить. Давайте пройдем в морг, и осмотрите тело.

– Кривулин уверял меня, что на его виллу не мог проникнуть никто посторонний. Значит, убийство наверняка совершил кто-то из числа живущих на вилле. Вы что об этом думаете? – сказал Гуров, пока они шли к моргу.

– Я обошел всю эту его «Аркадию» кругом, – ответил капитан. – Да, защищена она хорошо. По всему периметру забор в три с половиной метра высотой, не перепрыгнешь. В нескольких местах установлены камеры видеонаблюдения. Кроме того, после полуночи охранник выпускает собак, Багиру и Рекса. Они чужого ни за что не пропустят. Хотя, конечно, и в таких условиях можно что-то придумать... Но в целом я с Кривулиным согласен: похоже, убийцу нужно искать там, на вилле.

– А как у живущих на вилле обстоит дело с алиби на тот вечер? – спросил Лев. – Вы проверяли?

– А как же, проверял. Твердое, почти стопроцентное алиби имеется только у троих. Повар Алексей Петриченко в девять часов убрался у себя на кухне, после чего вместе с телохранителем Сергеем Жилкиным сел смотреть бокс по телевизору. Однако Жилкин смотрел передачу не до конца – как показал повар, после десяти он ушел спать, и, начиная с этого времени, его никто не видел. А вот Петриченко видели: как показала Татьяна Осипова (эта самая модель, любовница Кривулина), она в двенадцать проходила мимо и видела, как повар сидел перед телевизором. И в это же время, но в другом помещении, в дежурке, телевизор смотрели егеря Эльдар Муртазин и охранник Борис Глушаков. Оба утверждают, что не могли оторваться от ящика, пока какое-то там шоу не кончилось.

– И когда же это увлекательное зрелище завершилось?

– В 23.15.

– А когда наступила смерть?

– Самуил Аронович говорит, примерно в половине двенадцатого. Но не позже двенадцати.

– Ну да, ведь в 12.20 уже вернулся Кривулин и обнаружил труп... – вспомнил Гуров. – Выходит, что теоретически и телохранитель, и повар, и егеря могли совершить убийство. Телохранителя, когда он ушел спать, никто не видел. У егеря и охранника алиби тоже не стопроцентное. Если после окончания шоу один из них быстро поднялся в кабинет и накинул на шею секретаря веревку, его мог никто не заметить.

– Как-то маловероятно, – покачал головой Синичкин. – Ведь на вилле было очень тихо. Если бы убийца быстро вошел, Тишкин его и увидел, и услышал бы. И вряд ли дал бы ему возможность подобраться сзади.

– Но существует еще один вариант, – сказал Гуров. – Повар и егерь были в сговоре и вовсе не смотрели никакое шоу. Тогда они могли заранее проникнуть в кабинет и убить секретаря.

– И правда! – воскликнул капитан. – Об этом я как-то не подумал... Да, а вот и морг, мы пришли.

Дежурный у входа приветствовал Синичкина как старого знакомого. В сопровождении служителя морга они спустились по лестнице, капитан открыл тяжелую дверь, и на Гурова пахло холодом и сладковатым трупным запахом, который не мог истребить даже запах карболки. Синичкин подвел его к носилкам, на которых лежало покрытое простыней тело. Служитель снял простыню, и Гуров увидел убитого. Как всегда бывает при удушении, лицо погибшего было сильно искажено и выглядело ужасно. Однако Льва интересовало не лицо, а шея. Он внимательно оглядел багровую полосу, оставленную веревкой, затем стал осматривать руки. Дойдя до левой руки, достал лупу, а затем, попросив у служителя пинцет, извлек из-под ногтя среднего пальца крохотную белую нитку. Бережно положил ее в пластиковый пакет и передал Синичкину:

– Ваш доктор был не слишком внимателен. Отдайте это в лабораторию, пусть проверят.

– Да, конечно, это улика, – согласился Синичкин. – Плохо, что мы ее не заметили. Но вряд ли это улика существенная. Скорее всего, это нить от веревки, которой был задушен покойный. А веревка у нас и так уже имеется.

– Может, от веревки, а может, и от чего другого, – возразил Лев. – Ну что, капитан, я увидел все, что хотел. И услышал тоже достаточно. По крайней мере, для того, чтобы понять, что дело это непростое. Пожалуй, я им займусь.

– Что, теперь поедете на виллу? – спросил Синичкин.

– Да, пришло время взглянуть на это неприступное убежище нашего строителя.

Глава 4

Обратная дорога до поселка, а затем и до виллы заняла больше времени: ближе к полудню движение на дорогах усилилось, так что ехать пришлось почти час. Но и теперь за все время поездки водитель не проронил ни слова. Гуров его тоже ни о чем не спрашивал. Конечно, Жилкина – так звали водителя – нужно было допросить, как и других обитателей виллы «Аркадия», однако он не хотел делать этого наспех, да еще сидя за спиной у водителя. «Придет время – и этого голубчика допросим», – решил Лев.

Наконец дома поселка остались позади. Дорога повернула и устремилась в горы, обходя группу неприступных скал, обрывавшихся в море. Но часть этих скал уже не существовала. Поверхность здесь была выровнена и образовывала несколько террас, на которых был высажен парк. Среди зелени виднелись несколько построек. Это и была вилла «Аркадия».

Машина подъехала к воротам и остановилась. Однако сигналить водитель не стал – он просто ждал. Через минуту створки стали медленно расходиться. Они въехали внутрь и вскоре оказались перед домом. Здесь водитель впервые открыл рот:

– Я вам в ближайшее время не нужен?

– Нет, часа два точно не нужны, – ответил Гуров. – Потом, ближе к вечеру, надо будет вернуться в санаторий.

– Тогда я схожу поем. Потом буду в гараже, – проинформировал его Жилкин.

Гуров вышел и огляделся. Вилла представляла собой трехэтажный, выстроенный в модном псевдоготическом стиле дом, напоминавший средневековый замок. Впрочем, «замок» был тщательно оштукатурен и сверкал новенькими окнами. Слева от него начиналась лужайка, за которой виднелся бассейн, у которого в шезлонге возлежала длинноногая девушка с книжкой в руке.

«Ага, это, как видно, та самая любовница хозяина, о которой говорил капитан», – догадался Гуров.

Справа находился парк, оттуда, из-за деревьев, доносился рокот газонокосилки. «Там, скорее всего, трудится садовник, – продолжал рассуждать Лев. – Тот, у которого, по словам Синичкина, безупречное алиби. Человеку с таким алиби бояться нечего, он может многое рассказать об остальных обитателях виллы. Да и любовница тоже наверняка может кое-что сообщить...»

Однако в первую очередь ему хотелось побеседовать с сестрой убитого. Надо было кого-то спросить, где ее искать. Водитель уже уехал в гараж, так что удобнее всего было спросить у девушки в шезлонге. Лев уже повернулся, чтобы направиться к ней, как дверь дома открылась и оттуда вышел осанистый мужчина лет пятидесяти. Густые усы и уверенная манера держаться придавали ему весьма внушительный вид. Если бы Гуров уже не был знаком с хозяином виллы Кривулиным, он бы решил, что усач и есть хозяин.

– Добрый день! – поздоровался с ним Лев. – Я только что приехал и хотел кое-что узнать.

– Добрый день, уважаемый! – приветствовал его усач. В его речи ощущался мягкий южный акцент. – Вы с Сергеем приехали? Так вы, наверное, полковник из Москвы?

– Да, моя фамилия Гуров, – представился сыщик.

– Очень рад, очень рад! – воскликнул усач. – Очень приятно видеть у нас такого известного человека! Я – здешний управляющий, Чанба моя фамилия, зовут Константин Семенович, но можно просто Костя. А вас, простите, как зовут?

– Лев Иванович.

– Слушаю вас, дорогой Лев Иванович! Что вы хотели узнать? Я все покажу, все расскажу! А может, вы хотите что-нибудь выпить с дороги или поесть? А то время уже к обеду. Сейчас я скажу Леше, он вам накроет...

– Нет, я сюда не есть-пить приехал, – ответил Гуров. – Ваш хозяин Кривулин попросил меня принять участие в расследовании убийства.

– Да, такая беда, такая беда! – сокрушенно покачал головой управляющий. – Петя такой был умный, такой тихий, такой знающий! И кто мог такое удумать – просто ума не приложу! Это кто-то чужой пробрался, у нас такого злодея нет!

– А вот ваш хозяин другого мнения, – заметил сыщик. – Он считает, что убийство мог совершить только человек, живущий на вилле. Кривулин мне говорил, что вилла хорошо охраняется, и посторонний сюда пройти не может.

– Да, это Егор Борисович верно сказал! Никакой злодей к нам не проберется! – заявил управляющий с таким же воодушевлением, с каким только что утверждал, что убийство совершил посторонний.

– Значит, это все-таки кто-то из своих, – заключил Гуров. – Вот я и должен выяснить кто. И для начала мне хотелось бы побеседовать с сестрой убитого. Кажется, ее зовут Настя?

– Да, верно, уважаемый, Настя у нас горничной работает, – сказал Чанба. На этот раз в его голосе звучала искренняя печаль. – Тоже такая тихая, исполнительная, работающая! Они с Петей очень похожи... были. Как она теперь будет жить – ума не приложу! Это такое горе, такое горе! Егор Борисович ее от работы освободил. Сказал: сколько нужно, столько пусть и отдыхает. Только какой же это отдых?

– А где она? – спросил Лев.

– У себя в комнате сидит, – ответил управляющий. – Как Петю увезли, так и сидит. Мне кажется, она даже не ложилась. Я ее завтракать звал – не пошла.

– Проводите меня к ней, – попросил сыщик.

– Идемте, уважаемый, – кивнул Чанба.

Они вошли в дом. Первое, что бросилось Гурову в глаза в просторном холле, – это занавешенное черной материей зеркало на стене. Обитатели виллы показывали, что помнят об убитом. Такой же черный креп был и в гостиной.

Миновав гостиную, управляющий и следовавший за ним Гуров свернули направо. Здесь была еще одна дверь, перед ней они и остановились.

– Вот ее комната, – шепотом проговорил Чанба. – Идите, уважаемый Лев Иванович, побеседуйте с ней. Может, это даже хорошо, что кто-то к ней придет, отвлечет.

Гуров шагнул к двери и постучал. Только потому, что внимательно прислушивался, он различил негромко произнесенное «войдите».

В комнате на стуле возле окна сидела молодая женщина. В руках у нее была губка, какими протирают окна, и она производила впечатление человека, присевшего на минуту передохнуть. Между тем она, скорее всего, сидела на этом стуле уже несколько часов. А может, и весь день.

– Здравствуйте, Настя, – поздоровался Лев. – Я из полиции, меня зовут Лев Иванович Гуров. Ваш хозяин попросил меня принять участие в расследовании гибели вашего брата. Но прежде я хотел бы выразить вам мои соболезнования.

– Да, спасибо, – кивнула женщина. – Меня, правда, уже спрашивали, но я могу и вам рассказать. Садитесь...

Тут она оглянулась, сообразила, что второго стула в комнате нет, и пересела на кровать.

– Я беседовал с капитаном Синичкиным, который ведет это дело, – начал Гуров, – и он сообщил мне, что вы, видимо, были последним человеком, который вчера видел Петра. Вы ведь вчера вечером беседовали?

– Да, там, в парке, – ответила Настя, неопределенно махнув рукой в сторону окна. – Мы каждый вечер подолгу беседовали. Если он с Егором Борисовичем не уезжал, конечно.

– И во сколько вы расстались?

– Десять уже точно было... Я, когда с Петей рассталась, сразу спать пошла. Когда леглась, посмотрела на часы – было без двадцати одиннадцать. Так что расстались мы, наверное, где-то в десять двадцать.

– Брат говорил вам, зачем собирался идти в кабинет хозяина?

– Да, он сказал, что ему надо какой-то документ в Москву подготовить и отправить. А еще, что он ждет подрядчиков, им нужно деньги отдать.

– Скажите, а Кривулин часто поручал вашему брату передавать деньги?

– Да, он Пете полностью доверял, – кивнула Настя. – Про Петю все знали, что он копейки чужой не возьмет. Так что такие поручения Егор Борисович ему часто давал.

– А о какой сумме идет речь, брат вам не говорил?

– Нет, не говорил.

– Где проходил ваш разговор с братом?

– Там, в верхней части парка. – Настя вновь показала рукой в окно, на этот раз ее жест был более определенным. – На верхней террасе есть скамейка, мы на ней любим сидеть. Любили то есть...

– Пока с братом беседовали, и потом, до того как лечь, вы видели кого-нибудь? Кто-то попался вам на глаза?

Настя задумалась, потом ответила:

– Пока мы разговаривали – нет, рядом никого не было. А когда спустились – да, видели. На нижней террасе Александр Ермолаевич возился, листья убирал.

– О ком вы говорите? – спросил Гуров и пояснил: – Я ведь еще не всех здесь знаю.

– Александр Ермолаевич – это наш садовник, – объяснила Настя. – Он такой работающий, его никогда не увидишь, чтобы просто так, без дела сидел.

– И садовник продолжал работать в десять вечера? – удивился Лев. – Странно как-то...

– Ничего странного! – возразила Настя. – У нас в парке освещение хорошее, все видно. Чтобы листья убрать, много света не надо.

– Значит, вы видели, как садовник убирает листья?

– Нет, не совсем так. Он за кустами был, его самого видно не было. Просто я услышала – человек граблями стучит, листья убирает, и подумала, что это Александр Ермолаевич.

– То есть это мог быть и другой человек, который выполнял работу садовника, – заключил Гуров.

– Почему это? Кто же станет за садом ухаживать, если Александр Ермолаевич здесь? Он этого никому не позволит!

– Хорошо, я понял, – кивнул Гуров. – А еще кого-нибудь видели?

– Когда я мимо дежурки проходила – это будка такая рядом с домом, – там Бориса видела, охранника. А потом, уже когда в дом вошла и проходила через общую комнату – она у нас вроде гостиной для слуг, – там сидели Леша, наш повар, и Сережа, водитель. Телевизор смотрели.

– Во сколько это было?

– Я же говорила – примерно в половине одиннадцатого.

– Понятно... Значит, в половине одиннадцатого Жилкин еще сидел в общей комнате. Все? Больше никого не видели?

– Нет, больше никого.

– А вы не знаете, где в это время были остальные?

– А кто остальные? Константин Семенович, наверное, домой уехал. Он обычно, если дел особых нет, часов в семь-восемь домой уезжает.

– На чем?

– На машине своей, на чем еще?

– А что у него за машина?

– Я не помню, «Форд», кажется. Она возле гаража стоит. Хотя... Слушайте, а ведь я вру!

– В каком смысле?

– Нет, не уехал Константин Семенович. Я, когда шла с Петей поговорить, кондиционер выключила – не люблю его, шумит очень, и простудиться можно, – и окно открыла. Слышала, как Константин Семенович с кем-то возле дома разговаривал, сердито так, вроде даже ругался. Только вполголоса, так что слов слышно не было. Наверное, это он с Борей-охранником говорил, втык ему за что-то делал.

– Вы же сказали, что видели охранника в дежурке?

– Да, видела. Видимо, Константин Семенович его позвал, замечание какое-то сделал. Ведь Борис не только за воротами следит, он у нас еще вроде мастера – должен всю электронику в порядке поддерживать. А он не всегда это делает. Вот я и подумала, что управляющий его вызвал и выволочку устроил.

– Но вы не можете поручиться, что управляющий говорил именно с охранником?

– Нет, поручиться не могу. Но голос был похож. И вообще... Кого бы еще Константин Семенович стал так ругать?

– Хорошо, пусть это был охранник. Остается еще любов... я хотел сказать, остается еще Татьяна Осипова. Ее вы не видели?

– Нет, не видела. Но слышала. Когда проходила через гостиную, со второго этажа музыка раздавалась. Это, наверное, от нее. Она любит всякие музыкальные передачи смотреть.

– Так, теперь мы, кажется, никого не забыли, – заключил Гуров. – А скажите, вы в тот вечер в поведении брата не заметили ничего необычного? Его ничего не беспокоило? Не тревожило?

– Нет, Петю ничего не беспокоило, – покачала головой девушка. – Это меня беспокоило, не его. Предчувствие у меня нехорошее было. Я ему так и сказала: «Давай уедем, тревожно мне что-то». А он стал меня успокаивать, сказал, что ему здесь хорошо, античную литературу изучает... Если бы я тогда настояла, увела его куда-нибудь...

– Не надо себя винить, – попытался утешить ее Гуров. – Ну, куда вы могли увести брата на ночь глядя? Значит, ничего необычного в тот вечер вы не заметили?

– Необычного? – Настя задумалась, припоминая. – Нет, ничего... Хотя подождите! Было одно... Правда, это ерунда, неважно...

– Что именно?

– Да костюм!

– Какой костюм?

– На нем в тот вечер костюм был чужой, – объяснила девушка. – Я еще удивилась, говорю: «Вон на тебе какой костюм модняцкий!» А он ответил: «Да это не мой, Егора Борисовича. Он мне вдруг взял и подарил. Размер-то у нас с ним одинаковый». И еще добавил: «Я обычно не люблю чужие вещи носить, но из уважения к нему согласился. Один вечер поношу, а потом сниму». Так и не снял. В этом костюме его и убили...

– Вот как... – протянул Гуров. – А не знаете, ваш хозяин раньше дарил брату какие-то вещи?

– Нет, не припомню такого, – покачала головой Настя. – Даже не знаю, чего это ему вздумалось.

– Ладно, я его самого спрошу. Что ж, пока у меня к вам вопросов больше нет. Не буду отнимать у вас время...

Тут Гуров понял неуместность своих последних слов и, чтобы загладить неловкость, спросил:

– Что теперь будете делать?

– Буду ждать, когда следователь разрешит уехать и Петю увезти, – ответила Настя. – Я его в Москве хочу похоронить, рядом с родителями. И сюда потом не вернусь. Смотреть на этот дом больше не могу! Так что я теперь одного жду: когда можно будет уехать.

– Я поговорю с капитаном Синичкиным, а если нужно, и со следователем, – пообещал Лев. – Думаю, они не станут возражать против вашего отъезда. В конце концов, если возникнут вопросы, их можно и по телефону задать. Скажите, а у вашего Константина Семеновича кабинет есть? Мне хочется теперь с ним побеседовать.

– Да, есть у него кабинет, рядом с кухней. Только он там редко сидит, обычно где-то на территории.

– Ладно, поищем, – сказал Гуров и вышел из комнаты.

Глава 5

Настя оказалась права: кабинет рядом с кухней был открыт, но пустовал. Видимо, управляющий находился, как выразилась горничная, «на территории». Гуров вышел из дома и огляделся. Справа, возле бассейна, теперь никого не было: длинноногая любительница музыкальных передач Татьяна Осипова, видимо, куда-то ушла. Может, в море нырять, а может, по магазинам. Хотя какие здесь, в поселке, магазины? Впрочем, беседа с любовницей Кривулина не входила в ближайшие планы Гурова. Сейчас ему хотелось поговорить в первую очередь именно с управляющим. Во-первых, он лучше всех должен знать людей, живущих в доме, а во-вторых, он в тот день почему-то задержался и допоздна оставался в усадьбе. Интересно почему? И еще одному человеку сыщик хотел задать такой же вопрос – садовнику Александру Ермолаевичу.

Лев прислушался: не доносится ли из-за кустов стрекот газонокосилки. Нет, там было тихо. Значит, садовник тоже переместился в другое место.

Гуров отправился на поиски.

Обогнул куст с ярко-зелеными листьями и крупными белыми цветами и увидел свежестриженный газон. «Наверное, садовник где-то рядом», – решил он и двинулся дальше. Однако за следующим поворотом дорожки ему навстречу шел вовсе не садовник, а человек, с которым он провел, можно сказать, все утро – водитель Сергей Жилкин.

– Хорошо, что ты мне встретился, – сказал Лев. – Поговорить надо. Давай сядем вот здесь. – И указал на изящную скамью, стоявшую под кипарисом.

– Что ж, давайте поговорим, – согласился Жилкин.

Гуров сел, похлопал рукой рядом с собой – садись, мол, голубь, поближе. Однако водитель, он же телохранитель, поступил по-своему: сел подальше, и не лицом к сыщику, а боком, глядя прямо перед собой.

– Меня интересует, где ты был и что делал вчера вечером, – начал Лев, – с восьми вечера и до двенадцати ночи.

– Это можно, – ответил Сергей. – Я после ужина в гараже был: трамблер менял. Как заменил, пошел к морю, искупался, потом сел «ящик» смотреть.

– Где смотрел?

– В общей комнате, там вроде гостиной для слуг.

– Один?

– Нет, с Лешкой. С поваром.

– А что показывали?

– Матч за звание чемпиона мира в тяжелом весе между Поветкиным и Рахманом.

– А ты, я вижу, в этом разбираешься. Что, занимался боксом или просто интересуешься?

– Занимался. Три года, пока в школе учился, и потом еще четыре.

– А почему бросил?

– Почему бросил? – Водитель повторил заданный ему вопрос, после чего в первый раз за время их беседы повернулся к Гурову. На его лице появилась кривая ухмылка: – Бросил, потому очередь мне пришла «ходку» делать. Срок я получил. А вы что, разве не знали?

– Нет, не знал, – удивленно проговорил Лев.

– Я думал, Борисыч скажет, – все так же усмехаясь, сказал Сергей, – или следак, что дело ведет.

– А срок за что получил?

– За что? Я в бедности рос, у родителей вечно денег не хватало. Каждую сотню считали. А у меня друган один был, вместе в секцию ходили, Колькой звали. И вот стал этот Колька вдруг в гору идти. «Шузы» новые, вообще шмотки крутые. В кабак меня зовет. Раз зовет, два.

И все время он платит. Мне неловко, а что делать – денег-то нет. Я поинтересовался, откуда у него бабло? А он ответил, что связался с крутыми пацанами, которые настоящие дела делают – берут кассы в магазинах. Не в продуктовых, а в настоящих – ювелирных или меховых. Там главное – быстрота и натиск. Ну, и расчет, конечно. Но расчетом есть кому заниматься, а его дело – охранников валить. И сказал мне Колян, что есть у них в коллективе еще одно место. Я подумал-подумал и пошел.

– И долго ты валил охранников? – усмехнулся Гуров.

– Не очень, – признался водитель. – Полгода не прошло, как нас всех взяли. Я получил шесть лет. Отсидел из них четыре.

– По УДО вышел?

– Да, в связи с образцовым поведением. Ну, вышел, а дальше что делать? Чувствую, придется снова тем же заниматься. Профессии нет, учиться поздно, да и кто меня со справкой на настоящую работу возьмет? Ну, устроился в один ЧОП. Решил: как выйдут на меня какие серьезные люди – соглашусь. Но только первым на меня вышел вот он, Борисыч.

– А как вы с ним познакомились?

– Наш ЧОП его контору охранял, и чем-то я ему приглянулся. Он как-то спросил, пойду ли к нему водителем, а заодно и телохранителем? Я подумал и согласился. И вот третий год уже работаю.

– А кто еще здесь знает о твоём уголовном прошлом?

– Кроме Борисыча, никто, – ответил Жилкин. – Если он кому-то еще не рассказал.

Теперь, когда водитель ему рассказал о своём прошлом, Гуров понял странности его поведения: особую молчаливость, нежелание идти на контакт. Ведь для блатного откровенничать с полицейским – это, что называется, «западло». И вообще воровской кодекс предписывает больше помалкивать.

– Так вот почему ты на меня весь день волком смотришь! – заключил Гуров.

– Что же мне с вами, обниматься, что ли? Того и гляди пришлете наряд – и вперед, в кутузку. Ясно же, что я первый на подозрении.

– А что, на тебе «мокрое» дело уже висело?

– Нет, убивать я никого не убивал, – покачал головой водитель. – Я шел по статье «участие в вооруженном ограблении». Но какая разница? Ходка была? Была. Значит, все.

– Пока что тебе никто обвинений не предъявляет, – заверил его Лев. – И хозяин о твоём прошлом не говорил – ни мне, ни капитану Синичкину. Так что ты здесь на равных с остальными. И пока ты на равных, давай еще немного поговорим про вчерашний вечер. Значит, вы смотрели бокс вместе с поваром. Во сколько начали смотреть и во сколько закончили?

– Смотря про кого говорить. Включил «ящик» я, когда с моря вернулся. Это было в половине десятого. Минут через пятнадцать Леха подошел. Я еще подумал: сейчас начнет зудеть, чтобы на другой канал переключить, он ведь бокс никогда не смотрит. Но он ничего, сидел, смотрел. Где-то через полчаса к нам заглянул Семеныч, позвал его, и Леха вышел.

– Это ты про управляющего говоришь? – уточнил Гуров.

– Ну да. Где-то минут двадцать его не было, весь четвертый и пятый раунды. Потом вернулся, злой такой, хоть самого на ринг выпускай. Снова стали вместе смотреть. А без пяти одиннадцать Сашок этого Рахмана нокаутировал, и бой закончился. Полный абзац! Американос на канаты завалился, на ногах не стоит. Ну, и я спать пошел.

– А повар?

– Он остался и сразу стал каналы щелкать, боевик какой искать. Он в основном боевики смотрит.

– А ты, пока ложишься, ничего особенного не видел, не слышал?

Жилкин немного подумал, припоминая, потом покачал головой:

– Нет, ничего не было. Все штатно.

– Ладно, у меня пока вопросов нет, – сказал Гуров, поднимаясь. – Появятся – задам. А где можно сейчас вашего Семеныча найти?

– Да в гараже, «Форд» свой драит, гудок новый устанавливает. Он все ко мне подъезжал, чтобы я ему машину за так мыл. Да только как подъехал, так и отъехал. Пришлось нашему завхозу самому горбатиться. Так что там его и найдете. А я тоже спросить хотел: ехать сейчас никуда не надо?

– Нет, пока таких планов нет, – ответил Лев. – Я еще немного у вас побуду.

– Тогда я пойду поплаваю, – сказал водитель. – Что здесь хорошо – поплавать вдоволь можно.

На том они и расстались. Жилкин повернул на дорожку, ведущую вниз, к морю, а Гуров направился в сторону гаража.

Сергей не обманул: управляющий Константин Семенович действительно находился в гараже. Он до половины погрузился в капот машины, так что наружу торчала только задняя часть. Пришлось Гурову к ней и обращаться.

– Константин Семенович! – позвал он.

Управляющий с неожиданной при его комплекции резвостью вынырнул из-под крышки капота. В одной руке он держал гаечный ключ, в другой – отвертку.

– Извините, что мешаю проведению ремонта, – сказал Лев, – но мне нужно с вами побеседовать. Где мы можем это сделать?

– Да здесь и побеседуем, уважаемый, – ответил Чанба. – Вот там, в тени, сядем на скамеечку и побеседуем. Только руки помою и буду совсем готов. А ремонт пусть подождет.

Они вышли из гаража и присели на скамью в тени кипарисов.

– Расскажите, что вы делали вчера, начиная с восьми вечера и до полуночи, – попросил Гуров, повторив стандартную фразу своего сегодняшнего расследования.

– Что делал, уважаемый? Да разве все упомнишь? Столько всего делать приходится – верчусь как белка в колесе! Ведь на мне весь дом держится, все хозяйство. Всем приходится заниматься, обо всем заботиться. Я и продукты покупаю, и счета оплачиваю, и прислуге зарплату выдаю, и за порядком слежу – абсолютно все! Абсолютно!

– Я верю, что у вас много забот, и все же вам придется постараться и вспомнить именно вчерашний вечер. Кстати, а почему вы так задержались вчера в усадьбе? Мне говорили, что обычно вы часов в семь уже уезжаете, а вчера до ночи все еще были здесь. Что заставило вас остаться?

– Да все то же, дорогой, – дела, – развел руками Чанба. – То одно, то другое...

– Нет, так у нас не пойдет, – покачал головой Гуров. – Вы упорно не хотите отвечать на мои вопросы. Давайте тогда я попрошу капитана Синичкина, и он выпишет вам повестку на завтра. Явитесь в Лазаревское, в участок, и там мы с вами побеседуем.

– Зачем повестка? Зачем в участок? – возмущенно произнес управляющий. – Разве я отказываюсь? Я всегда готов ответить! Нет такого вопроса, на который Константин Чанба не мог бы ответить!

– Ну так и ответьте, – начиная терять терпение, бросил Лев. – Почему вы вчера задержались в усадьбе позже обычного? И что делали начиная с восьми вечера? И если вы опять заведете ту же песню «всего, дорогой, не упомнишь», я вас буду считать уже не свидетелем, а подозреваемым, который упорно отказывается отвечать на мои вопросы.

– Да отвечаю я, отвечаю! – воскликнул Чанба. – Сейчас все расскажу. Значит, какой у вас вопрос? Ах да, восемь вечера! Восемь вечера, восемь вечера... Сначала я перекусил, потом с Сашей – это садовник наш – беседовал...

– Это было в восемь или позже? – уточнил Гуров.

– Нет, наверное, раньше, еще в семь. Я на часы не смотрел, дорогой. Когда делами занимаешься, некогда на часы смотреть.

– Хорошо, а потом?

– Посмотрел я, что там Саша сделать успел... Потом еще в дежурку зашел, проверил, как у Бори, охранника, дела идут. Ну, и поехал домой.

– И во сколько же это было?

– Да часов в девять, наверное. Да, стемнело уже, так что девять уже было.

– Знаете, Константин Семенович, память вас, видимо, подвела, – заметил Лев. – Вы никак не могли уехать из усадьбы в девять, потому что в десять часов горничная Настя, собираясь идти на встречу с братом, отчетливо слышала ваш голос. Вы с кем-то разговаривали. И не просто разговаривали, а делали выговор. Так что перестаньте темнить и отвечайте: с кем вы беседовали в десять вечера?

– А ведь верно! – хлопнул себя по коленке управляющий, словно только что вспомнил забытую деталь вчерашнего вечера. – Точно, задержался я! Надо было с Борей, охранником, побеседовать, внушение ему сделать. Он ведь у нас не только за охрану отвечает, а еще за всю техническую сторону. А я заметил, что несколько лампочек в доме и возле дома не горят. Вот я ему и сделал замечание. Как сделал – так сразу домой поехал.

– И ничего подозрительного или необычного вы в тот вечер не видели?

– Ничего особенного не было, клянусь! – заверил Чанба, в знак своей искренности прижав руку к груди.

– Клясться необязательно, достаточно сказать правду. Ладно, с вами я пока закончил. Но думаю, что вопросы еще будут. И не вздумайте водить меня за нос и тянуть, как сейчас. А теперь скажите, где я могу увидеть повара?

– Так на кухне он! – воскликнул управляющий и вскочил с места, словно собираясь немедленно бежать на кухню за поваром. – Там, в доме! А что, вы его тоже хотите о вчерашнем вечере спрашивать?

– Разумеется, – ответил Гуров. – Как и всех остальных. А что?

– Да нет, ничего, – сказал управляющий. – Это я так.

Глава 6

Повар Алексей Петриченко действительно оказался на кухне. Правда, он был совсем не похож на повара. Если бы Гуров не знал, кого ищет, он бы никогда не признал в этом худом нервном парне представителя такой мирной профессии. «Он скорее на охранника похож», – подумал Лев, разглядывая Петриченко. Затем представился, объяснил цель своего визита на кухню и повторил вопрос, который уже не раз задавал в этот день.

– Что я делал? – задумался повар. – Ну, сначала ужин готовил, потом подавал – мы это вместе с Настей делаем. Потом убрал на кухне, пошел искупаться... Ну, и сел телевизор смотреть.

– Где?

– В общей комнате, где же еще?

– Один?

– Нет, не один. Там уже Сергей сидел, водитель. Ну, и я к нему присел.

– А что смотрели?

– Бокс передавали, бой за звание чемпиона мира.

– А ты что же, боксом увлекаешься?

– Нет, просто хотел «ящик» посмотреть. Думал, немного посижу, потом в дежурку пойду – там Боря-охранник обычно шоу разные смотрит. Но тут что-то меня зацепило, и я остался.

– И долго сидел?

– Долго, часов до двенадцати. Когда бокс кончился, Сергей спать ушел. Я тогда на другой канал переключился и нашел классный триллер с Харрисоном Фордом.

– И никуда не выходил?

– Нет, никуда, – все так же уверенно ответил повар.

– Очень интересно! – заметил Гуров. – А вот Сергей говорит, что ты выходил около десяти часов. И я, кажется, знаю зачем. Сказать или ты сам скажешь?

– Черт, и правда забыл! – сокрушенно воскликнул Петриченко. – Да, я вспомнил, что забыл фасоль водой залить. А ее, если заранее не зальешь, потом сто лет варить надо. Вот я и вышел, чтобы залить. Зашел на кухню, все дела сделал и вернулся.

– И ни с кем не разговаривал?

– Нет, ни с кем!

– И никого не видел? Только не ври!

– Видел... видел... – медленно произнес повар. У Гурова сложилось твердое убеждение, что он не припоминает события минувшего вечера, а лихорадочно размышляет о том, что может быть известно сыщику и в чем, стало быть, надо признаться. – Да, точно, видел! Уже когда из кухни возвращался, видел Татьяну – ну, это девушка нашего шефа. Она в парк вышла. Погулять, наверное, решила.

– Но ты с ней не разговаривал?

– Нет, о чем? Просто видел, и все.

– А когда выключил телевизор и вышел из общей комнаты – тогда видел кого-нибудь?

– Тогда... тогда... Да, Бориса видел, охранника. Я через гостиную проходил, в окно выглянул – вижу, он куда-то идет.

– Тебя это не удивило?

– А что тут такого? Может, он на камере увидел что-то подозрительное и шел проверить, а может, собак выпускал. У нас две собаки всю ночь территорию охраняют. Мощные собаченции! Я, например, после двенадцати не рискую в парк выходить. Хотя вроде не чужой.

– Значит, ты отправился в свою комнату, лег спать – и до утра больше ничего не видел и не слышал? – спросил Гуров.

– Нет, ничего, – твердо ответил повар.

– Хорошо, тогда скажи, во сколько, по-твоему, покинул виллу ваш управляющий?

– Это вы про Константина Семеновича? – уточнил повар.

– Да, именно про него.

– Да откуда же я знаю? – развел руками Петриченко. – Я же за ним не следил! За ужином он был, точно. А после ужина... Нет, после ужина я его не видел.

– Ладно, пока у меня к тебе все.

– Слушайте, а ведь вы у нас не обедали! – воскликнул повар. – Я вас в столовой не видел. Верно?

– Да, я как-то и забыл про обед, – произнес сыщик.

– Так давайте я вам сейчас что-нибудь сооружу, – предложил Петриченко. – Прямо здесь. Хотите?

Только тут Лев почувствовал, что на самом деле проголодался. И немудрено: ведь он с самого завтрака ничего не ел, как-то не до того было.

– Хочу, – признался он. – Давай сооруди что-нибудь.

Спустя несколько минут на столе перед ним уже стояли закуски (икра в вазочке, селедка, маринованные грибы), шипел разогретый бифштекс, высилась гора хорошо прожаренной картошки. Стояли и напитки: запотевший ледяной графинчик с водкой, бутылка минеральной воды, сок.

– Чай или кофе? – деловито осведомился Петриченко.

– Чай, – сказал Гуров. – А вот это убери, – показал он на графин с водкой.

Графин немедленно исчез, взамен появились заварочный чайник и термос с кипятком. Сам повар, накрыв на стол, ретировался, не желая смущать гостя.

Приступив к трапезе, Лев понял, что его последний собеседник – действительно повар высокого класса. Все было приготовлено отлично, гораздо лучше, чем в санатории.

Он как раз покончил с бифштексом и приступил к чаю, когда в коридоре послышались легкие шаги, дверь кухни открылась, и в нее вошла стройная девушка в топике и мини-юбке. Длинные загорелые ноги, белокурые волосы, синие глаза – все говорило о том, что перед Гуровым предстала близкая подруга Кривулина, топ-модель Татьяна.

– Ой, я думала, тут Леша, – воскликнула красавица. – Извините, что помешала.

– Ничего, вы мне нисколько не мешаете, – ответил Лев. – Полковник полиции Гуров, Лев Иванович. А вы, вероятно, Татьяна?

– Да, я Татьяна, – кивнула девушка.

– Присаживайтесь, Таня, нам надо побеседовать.

– Это об убийстве, да? Хорошо, я отвечу. Только я мало что могу сказать. Я вчера после ужина как села возле «сидюшника», так и не вставала. Настроение такое было – музыку слушать.

– Значит, после семи вы из комнаты не выходили, ничего не видели, ничего не слышали?

– Совершенно верно, – кивнула Татьяна. – Я и милиционеру так говорила. Так что ничем вам помочь не могу. Петю, конечно, очень жалко. Если бы я что знала, обязательно бы рассказала.

– А так, значит, никаких сведений?

– Ни-ка-ких, – отдельно, чтобы подчеркнуть верность сказанного, произнесла она и поднялась, собираясь выйти из кухни.

– Очень интересно... – протянул Гуров. – А мне только что один человек говорил, что видел, как вы вчера выходили из дома.

– Я? Выходила? Ну да, я в течение дня сто раз выхожу, что тут такого?

– Нет, не просто в течение дня. Этот человек видел, как вы вышли из дома в начале одиннадцатого. То есть в то самое время, когда Петр Тишкин вошел в кабинет Кривулина.

– Ну и что?! – воскликнула Татьяна. – Пусть даже я вышла, а он вошел, что с того? В огороде бузина, а в Киеве дядька! Какое отношение это имеет к убийству?

– Пока не знаю, – покачал головой Лев. – Может, и никакого. Важно то, что вы врете. Значит, вам есть что скрывать.

– Неправда! – Девушка кричала уже в полный голос. – Нечего мне скрывать! Я просто забыла! Может человек забыть?

– Может, может, – успокаивающе проговорил Гуров. – Не надо так волноваться. А теперь скажите, куда и зачем вы на самом деле выходили.

– Да куда. – Татьяна и в самом деле немного успокоилась и теперь старалась делать вид, что ничего особенного не произошло. – Просто мне стало душно... голова разболелась... Вот я и решила немного прогуляться.

– И где же вы гуляли?

– Ну где... В парке гуляла.

– В какой части парка?

– Во всех. Я везде гуляла.

– И никого не встретили?

– Нет, никого.

– Да, Танюша, вижу, что ваши проблемы намного серьезнее, чем вам кажется.

– Какие проблемы? – настороженно спросила она.

– Как какие? Все те же самые. Проблемы с памятью.

– Что вы хотите этим сказать? Почему с памятью?

– Потому что в это самое время, когда, как вы только что сказали, вышли на прогулку, в парке находились, по крайней мере, три человека, – ответил Гуров. – Это садовник Вишняков, управляющий Константин Чанба и охранник Борис Глушаков. Садовник убирал ветки, управляющий с кем-то беседовал – я еще не установил с кем, а Глушаков тоже куда-то шел. Вы могли с ними не встретиться – это я допускаю. Но не увидеть никого из них – нет, в это я поверить не могу.

При этих словах сыщика с подругой Кривулина случилась настоящая истерика.

– На что вы намекаете? С кем это я должна была встретиться?! – закричала она. – И если я даже и встречалась, к убийству это никакого отношения не имеет! Слышите – никакого отношения! Я просто гуляла, просто дышала воздухом! Это что – преступление? Скажите, это преступление?!

– И все-таки мне хотелось бы знать, с кем именно вы встречались, – твердо проговорил Лев.

Однако модель вновь овладела собой. Видимо, нервы у этой девушки были крепче, чем казалось на первый взгляд.

– Да ни с кем я не встречалась, – ответила она спокойным и даже веселым тоном. – Вы меня не поняли. Я сказала, что, если бы я даже с кем-то встретила, это не имеет отношения к убийству. Предположение высказала. А на самом деле я просто прошла и вернулась домой. Но вы правы – я действительно кое-что забыла. Теперь, когда вы напомнили, я вспомнила, что и правда видела Александра Ермолаевича: он катил тележку с грудой листьев и травы. И Константина Семеновича видела – здесь, возле дома. Но только мельком и издали. А вот Глушакова не видела. Наверное, мы с ним разминулись.

– Ну вот, видите, как много можно вспомнить! – наставительно заметил Лев. – Возможно, при нашей следующей встрече вы сможете вспомнить еще больше.

– Может быть, – сказала девушка. – А сейчас я могу идти?

– Конечно, можете, – ответил Гуров. – Я вас несколько не задерживаю.

Глава 7

Расставшись с забывчивой и излишне нервной девушкой Татьяной, Гуров наконец допил чай и вышел из дома. В списке людей, с которыми он хотел сегодня побеседовать, остались трое: егеря Эльдар Муртазин, охранник Борис Глушаков и садовник Александр Вишняков. Вначале ему хотелось побеседовать с садовником или егерем и только потом – с Глушаковым. «Так, и где же мне их искать? – подумал он, оглядываясь. – Ни у егеря, ни у садовника кабинетов нет». И решил пройтись по парку – где-то там он мог рассчитывать встретить садовника Вишнякова.

И его надежды оправдались. Он прошел одну аллею, свернул в другую – и увидел человека в синем комбинезоне. Присев на корточки, тот пропальывал участок, на котором густо росли нежно-сиреневые цветы.

– Добрый день, Александр Ермолаевич! – приветствовал его Гуров.

Человек, не вставая, обернулся и внимательно посмотрел на сыщика. Затем произнес «добрый день» и снова вернулся к работе.

– Я полковник полиции Гуров, звать меня Лев Иванович. Егор Борисович Кривулин попросил меня принять участие в расследовании убийства Петра Тишкина. В связи с этим я расспрашиваю всех живущих в усадьбе. Вы не против, если я задам вам несколько вопросов?

– Хорошо, задавайте ваши вопросы, – согласился садовник, однако позы не изменил.

– Мне сказали, что обычно вы уходите домой после семи вечера, – начал сыщик. – Однако вчера вы почему-то задержались. Вас видели в парке около десяти часов. Можно узнать, почему вы так задержались? Для этого была какая-то особенная причина?

– Нет, никакой особой причины не было, – ответил садовник. – Просто работа накопилась.

– А какая именно работа, вы можете сказать? Что вы делали вчера такого срочного?

– Какая именно работа? – повторил Александр вопрос Гурова. – Что срочного? Почему же, могу сказать. Но лучше покажу, может, тогда вопросов меньше будет.

С этими словами он неожиданно легко поднялся и проворно двинулся вперед по аллее. Гуров последовал за ним, причем идти ему пришлось быстро. Они дошли до перекрестка с другой аллеей, повернули, поднялись по ступенькам и остановились перед группой пальм.

– Перед вами трахикарпус – типичный обитатель субтропиков, – начал объяснять Вишняков. Тонем лектора или экскурсовода в ботаническом саду. – Ее характерная черта – лохматый ствол, который придает пальме чрезвычайно живописный вид. Трахикарпус охотно растет на Черноморском побережье Кавказа, однако требует постоянного ухода. В частности, необходимо вовремя убирать лишние ветки, а также дикорастущие побеги и, разумеется, защищать ее от вредителей. На этом экземпляре мы можем видеть следы такого ухода. Вот, смотрите: это остатки срезанных веток. И срезаны они были не далее как вчера. А если принюхаться, то можно уловить слабый запах ядохимикатов, которыми был опрыскан ствол для защиты от тли. А вот рядом совсем другая пальма – слоновья. Видите, какая красавица? Но этой красавице требуется регулярная подкормка. Вот вчера эту подкормку и вносили. Идем дальше.

И садовник вновь быстро двинулся вперед, а Гуров за ним. На этот раз они шли дольше и остановились перед высокими кустами, на которых росли крупные белые цветы. Гуров вспомнил, что видел такие кусты перед домом.

– А здесь у нас магнолия, – все тем же лекторским тоном произнес садовник. – Эта уроженница Северной Америки очень живописна, но тоже требует ухода. Например, на этих кустах давно не проводилась обрезка сухих и неправильно растущих веток. И вчера такая обрезка была сделана. Вот, можно видеть следы срезов. Хотите посмотреть?

– Нет, не хочу, – ответил Гуров. – Я понял: вы вчера были заняты обычной работой. Просто ее накопилось чуть больше, чем вы предполагали, поэтому пришлось задержаться. Я правильно все излагаю?

– Совершенно правильно, – кивнул Вишняков.

– Тогда я перейду к следующему вопросу. Я понял, что вечером вы работали в нескольких местах. Правильно?

– Да, в нескольких. Вот здесь, а еще в той аллее, где мы только что были, и еще в одном, ближе к морю.

– Но все эти места находились достаточно далеко от дома, верно?

– Ну, вот это место, где мы сейчас стоим, от дома не слишком далеко, но его отсюда не видно.

– Поэтому вы смело можете мне сказать, что никого не видели и ничего не слышали. И это будет выглядеть совершенно правдоподобно. Но я вижу, что вы человек чрезвычайно правдивый, более того – болезненно воспринимаете всякое подозрение во лжи. Поэтому я вас спрошу: видели ли вы кого-то из обитателей дома, начиная с семи вечера и до того времени, когда вы ушли из усадьбы?

Как видно, слова Гурова произвели впечатление на садовника. Он пытливо взглянул на него, немного подумал, потом сказал:

– Да, кое-кого я видел и слышал. Ну, прежде всего нашего управляющего, Константина Семеновича.

– Да, конечно, вы должны были его видеть, – согласился Гуров. – Ведь он ходил, проверял вашу работу...

– Работу проверял? – удивился Вишняков. – Это с какой стати он мою работу станет проверять? Никогда такого не бывало! Мою работу и сам Егор Борисович никогда не проверяет. Даже не спрашивает, что я там сделал. Я сам все решаю, иногда, конечно, с хозяином советуюсь, особенно в тех случаях, когда вложения требуются. Без его согласия я не рискую деньги тратить. Но Константин Семенович в мои дела никогда не лезет. И вчера он ко мне даже не подходил. Он в основном с Лешей-поваром беседовал.

– Во сколько это было? – заинтересовался Гуров.

– Да поздно уже, наверное, около десяти.

– Вы не путаете – управляющий беседовал именно с поваром? Может, он говорил с охранником?

– Да, у Леши с Борисом голоса немного похожи, – согласился Вишняков. – Но я людские голоса хорошо различаю. Так же хорошо, как и птичьи. Я птицами всю жизнь интересовался, все их трели знаю. Нет, ошибки быть не может, управляющий беседовал с Лешей, и ни с кем другим.

– И где проходил этот разговор?

– Совсем недалеко отсюда, вон за теми кустами. Они от дома метров пятьдесят отошли, так, чтобы их не видно было, и беседовали.

– И о чем же они разговаривали?

– Сначала о продуктах – какой расход, да не много ли уходит, и что надо купить срочно, а что подождет. А потом, слышу, другой разговор у них зашел. Константин Семенович начал Леше за что-то выговаривать. Очень сердито выговаривал, но почему-то вполголоса. Это на него вообще-то не похоже: Константин Семенович человек шумный. А тут такой разнос – и на полутонах.

– А за что был разнос, вы не слышали?

– Вроде бы за какие-то траты. Может, все те же, по хозяйству? А может, какие другие. Я ведь особо не вслушивался. Просто неподалеку на магнолии ветки обрезал, потом подкормку

вносил и, пока не ушел, слышал, как они ругаются. То есть Константин Семенович ругался, а Леша обещал исправиться и все заплатить.

– Заплатить? То есть он был должен деньги?

– Ну, вроде так. Но я мог неправильно понять... Лучше вы у них самих спросите.

– Хорошо, спрошу, – пообещал Гуров. – А кого еще вы видели?

– Понимаете, какая незадача, я вот сейчас начал вспоминать, и получается, что все, кого я вчера видел или слышал, вели себя как-то необычно. Константин Семенович почему-то делал выговор повару вполголоса. А егеря Эльдар зачем-то на ночь глядя гулял по парку.

– Вы видели егеря? Мне еще никто не говорил, что он вчера был здесь. Кстати, мне с ним тоже надо побеседовать. Где его можно найти?

– В том-то и дело, что Эльдара найти не так легко, – объяснил Вишняков. – Он, как и я, живет в поселке. Только мы с ним на разных концах – он на южном, ближе к Адлеру, а я на северном. В усадьбе бывает редко – когда они с Егором Борисовичем к охоте готовятся, или приезжает, чтобы о своих поисках отчитаться. А все остальное время проводит в горах, в лесу.

– И что он там делает, в лесу?

– Так я и говорю: поисками занимается. Где куропатки гнездятся, или ищет тропы, по которым косули на водопой ходят.

– Значит, ваш хозяин страстный охотник?

– Да, это у него главное увлечение, – подтвердил садовник. – Парк тоже, но это так, скорее для престижа или для гостей. Вообще, надо признать, Егор Борисович растениями не слишком интересуется. Другое дело – животные. Вот будете у него в кабинете – убедитесь. Там и чучела стоят, и ружья на стенах.

– Значит, егеря в усадьбе бывает редко, – резюмировал Гуров, возвращая беседу в прежнее русло. – Но что странного в том, что вы его вчера видели? Наверное, приехал рассказать о какой-нибудь кабарге или кабане.

– Да ничего бы странного не было, если бы Егор Борисович на месте был, – ответил Вишняков. – Но он ведь еще часов в шесть в Адлер уехал. Зачем же тогда приходить?

– Так Эльдар, наверное, не знал, что хозяина нет, – предположил Гуров.

– Видимо, не знал, – согласился Вишняков. – Только странно это. Егор Борисович ему разрешил себе на сотовый звонить. Из всех, кто тут живет, он только ему это разрешил. Ну, еще покойному Петру.

– А как же управляющий?

– Нет, Константину Семеновичу такого права не дали. Если у него какой вопрос возникал – он обращался к Тишкину. А тот или сам вопрос решал, или записывал и потом хозяина спрашивал.

– Ну, есть здесь, наверное, еще один человек, который может звонить Кривулину, – заметил Гуров. – Это Татьяна.

– Да, может быть, – сказал садовник. – Но я в их дела не вникаю. Это сфера личной жизни, меня она не касается.

– Хорошо, значит, вы вчера видели егеря Эльдара Муртазина и слышали разговор управляющего с поваром Алексеем, – резюмировал Гуров. – А больше никого?

– Больше... – Садовник подумал немного, потом исподлобья взглянул на сыщика и сказал: – У каждого ведь есть право на личную жизнь, верно? И если это никому не угрожает, я это право уважаю. Поэтому мой ответ такой: нет, никого больше я не видел.

– То есть я должен понимать ваш ответ так: вы кого-то видели, но не хотите говорить, потому что тут какие-то личные отношения, и вы уверены, что это не имеет отношения к убийству? – спросил Лев.

– В общем, правильно, – кивнул садовник.

– Ладно, пусть так. Но если у меня будет впечатление, что эти «личные отношения» все же как-то связаны с убийством, вам их придется раскрыть. И у меня есть еще один вопрос, уже не связанный напрямую с расследованием. Скажите, а кем вы были до того, как поступили на работу к Кривулину?

– А почему вас это интересует? – насторожился Вишняков.

– Просто вы меня заинтересовали, вот и все, – признался сыщик. – У меня сложилось впечатление, что вы не всю жизнь обрезали мимозы и вскапывали грядки.

– Да, вы угадали. Правда, не совсем. Мимозы я обрезал и раньше, только делал это, так сказать, в интересах науки. Я работал в местном филиале Тимирязевской академии, занимался изучением субтропической флоры. Кроме того, преподавал в Краснодарском университете. Ну, а когда прежняя жизнь рухнула... Сами знаете, что тогда случилось с наукой. Денег не стало, зарплату не платили... Все разбежались кто куда. Мои более молодые коллеги пошли или цветы выращивать и продавать, или стали агрономами у богатых фермеров. А я мыкался несколько лет, перебивался случайными заработками. А потом Егор Борисович задумал строить здесь виллу и создать при ней парк. Вот и пригласил меня в садовники.

– То есть весь этот парк высажен вашими руками?

– Ну, не только моими. Приглашали рабочих, конечно. Тут много чего надо было сделать. Но вся агрономическая работа – да, моя.

– Большое вам спасибо, Александр Ермолаевич, – поблагодарил Гуров. – Вы мне очень помогли. Что ж, теперь осталось только навеститься в поселок, нанести визит вашему егерю.

– Желаю успеха, – сказал на прощание садовник, и Лев направился к дому с намерением разыскать водителя – его услуги наконец потребовались сыщику.

Однако сразу уехать из усадьбы ему не удалось. Едва он прошел десяток метров, как увидел спешащего навстречу управляющего:

– Лев Иваныч, дорогой, как хорошо, что я вас встретил!

– А что случилось?

– Да ничего не случилось, – заверил Чанба. – Просто Егор Борисович вернулся и хочет вас видеть. Вот, меня послал: «Найди, говорит, Льва Ивановича и пригласи в дом». Вот я вас и приглашаю.

Хозяин усадьбы встретил Гурова в гостиной.

– Ну, как прошел день, Лев Иванович? – спросил он. – Удалось вам что-то выяснить?

– В такого рода преступлениях за один день ничего не выяснишь, – ответил Лев. – Но кое-что полезное я узнал. Побеседовал со всеми вашими людьми, кроме егеря. Он, как оказалось, здесь бывает редко, так что собираюсь сейчас навеститься к нему домой. Ведь мне нужна полная картина, каждый кусочек должен встать на свое место. Да, кстати, насчет егеря. Ваш садовник только что мне рассказал, что видел Муртазина вчера вечером в усадьбе и очень удивился – что он здесь делает? Ведь вас здесь не было, и егерю это должно было быть известно. Вот я и вас хочу спросить: случайно не знаете, что вчера ваш егерь здесь делал?

– Случайно знаю, – сказал Кривулин. – Мы с ним накануне – то есть сейчас это уже позавчера – договорились встретиться. Мы регулярно проводим такие встречи, Эльдар мне рассказывает о своих походах в горы, что там нового, кого видел. Мы задумываем новые вылазки... Вот и вчера должна была состояться очередная такая встреча. Но вечером мне неожиданно позвонили из Адлера и попросили приехать, чтобы решить вопрос о поставках щебня. Для меня это, сами понимаете, гораздо важнее, чем охота, поэтому я начисто забыл о назначенной встрече с егерем и уехал. Так что он приехал напрасно. Еще какие-то вопросы есть?

– Да, есть еще один вопрос, – признался Гуров. – Он касается вашего водителя. Догадываетесь, что именно я хочу спросить?

– Да, догадываюсь, – кивнул строительный магнат. – Вас, наверное, удивило, что я пригласил на должность своего телохранителя человека с уголовным прошлым. Я угадал?

– Да, вы правы. Почему же вы так поступили?

– Понимаете, я пригляделся к этому человеку и понял, что, по сути, он человек честный, просто попал в дурную компанию. Мне стало его жалко и захотелось дать парню еще один шанс. Может, это и плохое объяснение, слишком примитивное, но другого у меня нет.

– Почему же плохое? – сказал Лев. – Вполне нормальное объяснение. Ну, а теперь мне осталось только одно: осмотреть место преступления. То есть ваш кабинет.

– Да, конечно! – воскликнул Кривулин. – Милости прошу!

Они поднялись на второй этаж, миновали несколько дверей. В конце коридора была еще одна дверь. Кривулин достал ключ, открыл ее и остановился, пропуская гостя вперед.

Гуров вошел и огляделся. Кабинет магната производил внушительное впечатление. Посередине стоял стол из мореного дуба, на котором находились несколько телефонов и компьютер новейшей модели. Возле стола, а также вдоль стен расположились несколько удобных кресел. Позади стола у стены виднелось несколько шкафов. В проеме между шкафами висела картина: написанный маслом портрет хозяина в полный рост. Егор Кривулин был изображен посреди осеннего леса, с ружьем за спиной, попирающим ногой убитого кабана. Всю правую стенку занимали ружья и карабины, а также охотничьи трофеи: на подставках стояли чучела кабарги, кабана, волка и лисы.

– Значит, Тишкин был убит здесь? – спросил Гуров.

– Да, он сидел за столом, – начал объяснять Кривулин. – Компьютер был включен, на экране остался почти законченный текст обращения, который Петр составлял.

– А веревка? Капитан Синичкин мне говорил, что здесь была найдена веревка, которой удушили вашего секретаря.

– Да, она лежала вот здесь, рядом с креслом.

– Вы не возражаете, если я немного осмотрюсь? – сказал Лев и, не дожидаясь ответа, прошелся по кабинету.

Он потрогал висящие на стене карабины, провел рукой по прикладу каждого из них. Потом подошел к шкафам, открыл один, другой... В одном стояли книги, в другом висела одежда: халаты, сорочки, несколько женских платьев. Этот второй шкаф сыщика особенно заинтересовал: он несколько раз открыл и закрыл створку, затем сдвинул одежду в сторону, присел на корточки и внимательно осмотрел дно шкафа. Хозяин кабинета застыл в ожидании, готовясь ответить на вопросы сыщика, но Гуров ни одного вопроса не задал. Покончив со шкафом, он подошел к окнам, осмотрел их. Затем сказал:

– Ну, пожалуй, на сегодня хватит. Все, что нужно, я увидел.

– Вы увидели какие-то следы? – взволнованно спросил Кривулин. – Нашли зацепки?

– Целую кучу зацепок. Теперь надо только в них разобраться. Немного поразмышлять – и разобраться.

– Конечно, размышляйте! – кивнул магнат. – Я приказал Чанбе – он сейчас временно заменяет горничную, – чтобы он приготовил вам комнату. Оставайтесь, заночуйте у меня. Конечно, сначала мы поужинаем...

– Нет, ночевать здесь я не собираюсь, – отказался Гуров, – вернусь к себе в санаторий. И ужинать тоже не буду. К тому же я не так давно поел – ваш повар меня по-царски угостил. Так что побеседую еще с вашим охранником – он остался единственным, кого я не опросил, а потом мне потребуется только одно – машина, чтобы вернуться.

– Да, конечно, Сергей вас отвезет, – заверил Кривулин. – Хотя я, по правде сказать, надеялся, что вы останетесь. С вами мне было бы спокойней...

– Если опасаетесь за свою жизнь, запирайте на ночь двери и возьмите с собой один из этих карабинов, – кивнул на стену Лев. – Или переезжайте в отель, в конце концов.

– Нет, я останусь здесь, – упрямо заявил Кривулин. – Я не стану бегать от убийц, как заяц. Но прежде чем уехать, скажите мне хотя бы вот что: как, по-вашему, кто совершил убийство – свой или чужой?

– Боюсь, что свой, – ответил Гуров. – Так что основания опасаться за свою жизнь у вас действительно имеются.

Глава 8

Выйдя из дома, Лев отправился в домик охранника. Борис Глушаков находился на своем рабочем месте. Это был атлетически сложенный парень с красивым лицом – хоть на обложку журнала помещай. Он сидел перед рядом экранов, на которых виднелись ворота усадьбы, забор в нескольких местах, пляж.

– Ну, как идет дежурство? – спросил Гуров.

Охранник, как видно, уже слышавший о нем, не удивился появлению незнакомого человека.

– Все нормально, – улыбнулся он сыщику. – Посторонних нет.

– Это хорошо, что нет. Давай расскажи, что ты делал вчера, начиная с шести вечера и до полуночи.

– Да то же самое, что всегда, – ответил охранник. – До семи сидел здесь, в будке. Потом Константин Семенович меня подменил, и я сходил искупаться, потом поужинал. И снова здесь сидел. Включил телевизор – там как раз шоу прикольное передавали. Да, ко мне еще Эльдар зашел, наш егерь. Мы вместе сидели, «ящик» смотрели. А потом шоу кончилось, и Эльдар к себе домой уехал. Как раз в это время Константин Семенович собак выпустил. Когда собак выпускают, я могу идти спать. Ну, я и пошел.

– А кто ночью охраняет усадьбу? – спросил Гуров. – Второй охранник у вас есть?

– Нет, второго нет, – покачал головой Глушаков. – Это, конечно, неудобно, сижу здесь, как привязанный, ни в поселок нельзя сходить, ни еще куда. Вот даже искупаться, и то надо подмену искать.

– А кто тебя обычно подменяет?

– Иногда Константин Семенович, иногда Сергей, наш водитель.

– А егерь часто к тебе заходит телевизор посмотреть?

– Эльдар? Да нет, не очень. Я даже не помню, когда такое в последний раз было.

– А до какого времени собаки охраняют территорию?

– Всю ночь. Утром, в семь часов, их обратно в вольер запирают.

– А кто это делает – тоже управляющий?

– Нет, он обычно только к восьми-к девяти приезжает. Это я делаю. Зову их, кормлю, потом запираю вольер. Они только меня да его признают.

– Вчера, пока вы с егерем смотрели телевизор, ты никуда не выходил?

– Как же я выйду? – удивился Глушаков. – Я же вам говорю – без подмены я никуда не выхожу.

– А потом, когда уже собак выпустили и твоя смена закончилась?

– Тогда я пошел в дом и лег спать, – ответил охранник.

– Подумай хорошенько, – предложил Гуров, – а то потом, на очной ставке, неудобно получится.

– На какой очной ставке? – насторожился Глушаков.

– На обыкновенной, – объяснил сыщик. – Их обычно делают, когда человек дает ложные показания. А ты именно этим сейчас занимаешься. Дело в том, что несколько человек видели тебя после десяти часов. Ты куда-то шел по территории парка.

– Да, верно, я и забыл! – воскликнул охранник. – Мне показалось, что вон на том экране, – он показал на экран, находившийся слева, – появился какой-то человек, стоял около забора. Я пошел поглядеть, но когда дошел туда, там никого не было.

– Человек был уже на территории усадьбы? – уточнил Гуров.

– Нет, он стоял с той стороны.

– А кто это был, ты не заметил? Мужчина, женщина? Какого роста?

- Нет, не заметил, – покачал головой Глушаков. – Темно уже было.
- Значит, ты дошел до забора, убедился, что там никого нет, и вернулся в дежурку?
- Нет, зачем возвращаться? Мое дежурство уже закончилось. Я спать пошел.
- И ни с кем не встречался?
- Нет, ни с кем, – уверенно ответил охранник.
- Ладно, у меня пока все, – сказал Гуров, поднимаясь. – Если надо будет, еще спрошу.

Из дежурки он направился к гаражу, надеясь найти там обещанную Кривулиным машину. Действительно, она была там, и Сергей уже ждал его. Гуров сел, машина выехала за ворота и, набирая скорость, помчалась в сторону поселка.

- Вас куда доставить, в санаторий? – спросил водитель.
- Нет, сначала заедем в поселок, навестим вашего егеря. Ты ведь знаешь, где он живет?
- Знаю, конечно.
- Вот туда и поедem, – распорядился сыщик.

Они миновали поворот на санаторий, проехали центр поселка и только в самом конце Сергей остановил машину возле одного из домов. Гуров вышел и оглядел жилище егеря Муртазина. Дом был похож на постройки, которые дети возводят из кубиков и других подручных материалов. Когда-то он был одноэтажным и небольшим, но затем к нему постепенно пристраивали все новые и новые части. Так дом получил второй этаж, два флигеля и веранду. В данный момент веранда была занята семейством, явно не относившимся к числу обитателей Черноморского побережья. Во дворе висело множество разного белья. В общем, было легко догадаться, что егерь, как и большинство жителей побережья, сдает часть дома курортникам.

– Где мне хозяина найти? – спросил Лев у женщины, которая что-то готовила на электроплитке, стоявшей на веранде.

– Вон там, вокруг дома обойдите, там будет дверь, – объяснила она. – Только если вы хотите комнату снять, то ничего не получится: у них все уже занято.

– Нет, комната мне не нужна, – ответил Гуров.

Следуя указаниям женщины, он обогнул дом и увидел душевой павильон, несколько сараев. У задней стены дома имелась небольшая пристройка, в нее вела отдельная дверь. «Ага, значит, сюда егерь перебирается на лето, – догадался Лев, а весь остальной дом сдает. Как же они всем семейством умещаются в такой крохотной пристройке? Там же небось всего одна комната?»

Он постучал в дверь. Не получив ответа, постучал еще раз, посильнее. Дверь открылась, и на пороге появилась женщина лет тридцати. Она была красива: большие черные глаза, правильное лицо, длинные черные волосы. Пожалуй, ее можно было бы даже назвать настоящей красавицей, если бы не жесткое и настороженное выражение лица.

– Я из полиции, ищу Эльдара Муртазина, – объяснил Гуров цель своего визита. – Он здесь живет?

– Да, здесь, – ответила женщина. – Только его сейчас нет. В горы ушел, дичь смотреть.

– А когда его можно увидеть? Когда он дома бывает?

– Да редко бывает. Утром встанет – в горы пошел. И весь день в горах. Или в усадьбе, у Егора Борисыча. Вы его спросите.

– Да я только что с ним расстался, – сказал Лев. – Ладно, в следующий раз попрошу Кривулина, чтобы он организовал нашу встречу.

– А что случилось-то? – поинтересовалась женщина. – Почему Эльдаром полиция интересуется? Может, вас охота интересуется? Это мы можем, все сделаем...

– Нет, охота меня не интересуется. Я хотел видеть вашего мужа, потому что я расследую убийство, совершенное на вилле «Аркадия». Я правильно понял – ведь вы жена Муртазина?

– Да, меня Равия зовут. А что за убийство такое?

Гуров очень удивился. Впервые в этот день он столкнулся с человеком, который не знал о совершенном преступлении.

– Разве муж вам ничего не говорил?

– Нет, ничего, – ответила Равия. – А кого убили-то?

– Петра Тишкина, он секретарем у Кривулина работал.

– Вон как... И когда это убийство случилось?

– Вчера вечером, даже ночью, – объяснил Лев.

– Ну, так Эльдар и сам об этом ничего не знает, – сказала женщина. – Он вчера из усадьбы вернулся и сразу спать лег. А утром в горы ушел. Так что он, скорее всего, ничего не знает, если только знакомого из поселка не встретит и тот не расскажет. В поселке-то, поди, уже всем известно об этом.

– В поселке знают, а вы нет, – заметил Гуров, – хотя муж на вилле работает. Странно как-то, а?

– Ничего странного, – ответила женщина. – Нас чужие дела не интересуют. К нам не лезут – ну и мы ни к кому не лезем.

– Хорошо, я вашу позицию понял, – сказал Левв. – Передайте мужу, что его разыскивал полковник полиции Гуров. Как только вернется, пусть свяжется со своим хозяином, а тот объяснит, как меня найти. Мне нужно снять с него показания.

Он вернулся к машине, сел на переднее сиденье и бросил Сергею:

– Все, теперь можно ехать в санаторий.

Тот, ничего не сказав, развернул машину, и они поехали обратно. Несколько минут ехали молча, потом Гуров спросил:

– Слушай, а что ты сам об этом думаешь? Кто, по-твоему, убил Тишкина?

– А почему вы меня об этом спрашиваете? – удивился Жилкин. – Я не следователь. Кого мое мнение интересует?

– Меня интересует, и я могу объяснить почему. Видишь ли, Сергей, какое дело. Я сегодня побеседовал с восемью свидетелями убийства. Вот только с Муртазиным увидеться не удалось. И все, кроме тебя да еще сестры убитого, мне или врал, или что-то скрывали. Только Настя и ты рассказали все, что видели и что знали. Ты даже больше сделал – рассказал о своем уголовном прошлом, хотя я об этом не спрашивал. Поэтому только у вас двоих и имеет смысл ваше мнение спрашивать. Но Настю я беспокоить не стал – ей не до того, а вот тебя хочу спросить. Ты ведь наверняка об этом думал, верно?

– Думал, конечно, – признался водитель. – Только помочь вам ничем не смогу.

– Почему же?

– Потому что ничего я не надумал. И так голову ломал, и этак – ничего не получается. Если хотите знать, Петя да и его сестра – самые последние люди здесь, кого можно было убить.

– Ты хочешь сказать, что у покойного секретаря не было врагов?

– Не было. Ни врагов, ни конфликтов. Он ни с кем не ссорился, никого не обижал. Тихий был парень – точно по своей фамилии. Вот про любого другого можно что-то подумать, предположить, за что его могли убить, а Петра – не за что.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи, – заинтересовался Гуров. – А других за что, по-твоему, могли бы убить?

– Ну, хозяина, Егора Борисыча, ясное дело, из-за бизнеса. У богатого человека всегда враги есть. Кому-то дорогу перешел, кто-то на его бизнес позарился. Сколько таких историй! У его девки, Татьяны этой, тоже свои тараканы есть. Ревность, все такое. Про других не хочу говорить. Но главное – что у Петра никаких причин для убийства не было.

– Но там было еще одно обстоятельство, – заметил Гуров. – Ты, может, не знаешь, я тебе скажу. Кривулин поручил ему выдать деньги двум его партнерам. Деньги не маленькие – почти два миллиона рублей. И они пропали. То есть кто-то мог просто позариться на эти деньги.

– Вон оно как... – протянул водитель. – Нет, этого я не знал. Да, это причина, да еще какая. Об этом надо подумать.

– Ты подумай, – посоветовал Гуров, – и если что надумаешь – мне скажи.

– А вот это вы напрасно, – покачал головой Сергей. – Я с ментами отродясь не сотрудничал. И в лагере не «ссучился», и сейчас не стану.

– Ладно, уговаривать не стану, – сказал Лев. – Может, все же изменишь своим принципам. Но мы, я вижу, уже приехали, так что до завтра. Скажи Кривулину, чтобы с утра прислал тебя сюда. Снова к вам приеду, продолжать расследование.

– Вам когда удобно?

– Давай к восьми, – отвечал Гуров. – Начнем прямо с утра.

Лев проводил глазами отъезжавшую машину, потом достал телефон и набрал номер капитана Синичкина.

– Приветствую, капитан, это Гуров. У меня тут возникла пара вопросов.

– Охотно на них отвечу.

– Во-первых, скажи, что там с моей ниточкой? Ну, с той, что нашлась у погибшего. Экспертизу провели?

– Да, Лев Иванович, провели, – ответил Синичкин. – И знаете, вы оказались правы, а я ошибался.

– Это в каком смысле?

– Нитка оказалась не от веревки, которой удушили Тишкина. Согласно заключению экспертов, из таких нитей состоит ткань, из которой делают перчатки.

– Какие именно перчатки?

– Рабочие, простые. Такими перчатками пользуются дачники, уборщики, слесаря на СТО.

– А на вилле? Кто, по-твоему, мог пользоваться такими перчатками на вилле «Аркадия»?

– Прежде всего садовник. А также охранник Глушаков – ведь он исполняет там еще роль механика.

– Так-так-так, очень интересно... протянул Гуров. – Ты мне пришли, пожалуйста, экспертное заключение. Оно мне завтра поможет при продолжении расследования.

– Завтра же утром пришлю, – пообещал Синичкин. – А как у вас дела? Уже пришли к каким-то выводам?

– Пока вывод один, – ответил Гуров. – Что почти все обитатели виллы или врут, или что-то скрывают.

– Значит, есть что скрывать, – заметил на это капитан.

– Это точно, – сказал Лев. – Да, у меня еще есть одна просьба. Тебе для продолжения следственных действий нужна сестра убитого Настя Тишкина?

– Да, пожалуй, нет. А что?

– Я с ней сегодня беседовал, – объяснил Гуров. – Девушка находится в очень тяжелом состоянии. Мечтает только об одном – поскорее забрать тело брата и уехать в Москву, хоронить. Так что, если мы не будем ее допрашивать, я просил бы отпустить Настю.

– Это от следователя зависит, – ответил капитан. – Я завтра же с ним поговорю. И если он не будет возражать, мы выдадим разрешение.

– Вот и хорошо. Как только разрешение будет готово, пришли его на виллу. Я там с утра буду. И заключение экспертов тоже туда пришли.

– Я, скорее всего, сам подъеду и все привезу, – сказал Синичкин.

– Идет, – согласился Лев. – Тогда до завтра. Увидимся в «Аркадии».

Глава 9

Следующий день начался без каких-то неожиданностей. Гуров поднялся, по своему обыкновению, рано, сделал зарядку, искупался и сел завтракать. Через полчаса должен был подъехать Сергей, отвезти его на виллу. Допивая кофе, он обдумывал вопросы, которые надо было сегодня решить. В первую очередь его интересовал егерь Муртазин – единственный человек, бывший на вилле в тот вечер, когда произошло убийство, который остался неопрошенным. А еще ему хотелось задать пару вопросов повару, охраннику и управляющему Чанбе – все эти люди в беседах с ним явно врал.

Внезапно из холла донесся чей-то возбужденный голос, и в следующую минуту в зал вбежал капитан Синичкин.

– Вы здесь! – воскликнул он вместо приветствия. – Поели? Тогда едем скорей!

– Куда?

– Как «куда»? На виллу, конечно!

– А отчего такая спешка? Что случилось?

– Сегодня ночью убили Настю Тишкину.

– Что?! – вскочил из-за стола Гуров. – Не может быть!

– Я тоже думал, что не может, – согласился капитан. – Но мне полчаса назад позвонил Кривулин, сообщил. Я подробности спрашивать не стал, сразу взял фотографа, врача, эксперта-криминалиста – и за вами. Бригада ждет в машине. Так что если вы готовы, то едем.

Спустя минуту они уже мчались по направлению к вилле. По дороге Синичкин рассказывал то немного, что успел узнать от хозяина «Аркадии».

– Первым убитую обнаружил повар, – объяснил капитан. – Он встает сразу вслед за охранником: тот идет загонять собак в вольер, а повар начинает готовить завтрак. По его словам, он как раз шел на кухню и тут видит, что дверь в комнату горничной приоткрыта. Это его удивило: Настя всегда плотно закрывала дверь. Он сначала постучал – никакого ответа. Тогда он открыл дверь, заглянул...

– И что же? Как было совершено убийство? Где находилась убитая? – засыпал его вопросами Лев.

– Этого я не знаю, – покачал головой Синичкин. – Я же вам говорил – я подробности у Кривулина спрашивать не стал. Сейчас приедем – и все узнаем.

Впереди показался знакомый утес. Спустя несколько минут они уже подъезжали к воротам усадьбы. Охранник, как видно, был наготове, и при их приближении ворота немедленно раскрылись. Первый, кого увидел Гуров, когда машина въехала на территорию «Аркадии», был водитель и телохранитель Сергей Жилкин.

– Это хорошо, что вы приехали, – сказал он, когда Синичкин остановил машину, а Гуров опустил стекло. – Вы, может, и разберетесь во всем этом. А то Егор Борисыч на меня уже с подозрением смотрит. Видно, виновным меня считает. Да и вообще... Жалко Настю. За что им с братом такое?

– Ладно, я разберусь, – пообещал Гуров.

Машина подъехала к дому. Навстречу им торопливо вышел сам Кривулин.

– Наконец-то! – воскликнул он. – И Лев Иванович здесь? Очень хорошо! А то я уже не знал, что и думать!

– Где убитая? – спросил его Гуров.

– Там, где и была, – ответил Кривулин. – В своей комнате. Мы там ничего не трогали.

– Тогда пошли туда, – скомандовал сыщик.

Следственная бригада, сопровождаемая хозяином усадьбы, проследовала по коридору. Дверь комнаты, где накануне Гуров беседовал с Настей Тишкиной, стояла полуоткрытой.

– Вот так дверь и была, когда Алексей утром увидел, – объяснил строительный магнат. – Мы ничего менять не стали.

Гуров ничего на это не сказал. Открыл дверь, вошел в комнату.

Первое, что бросилось ему в глаза, – это опрокинутый стул и видневшиеся за ним раскинутые руки. Затем, обойдя низенький столик, он увидел Настю, лежавшую на полу, лицом вниз. Рядом валялась бельевая веревка.

Следственная бригада приступила к работе. Фотограф сделал несколько снимков, зафиксировав положение тела убитой, эксперт нанес порошок на все поверхности, которых мог коснуться убийца, – надеялся найти отпечатки пальцев. После того как фотографии были сделаны, тело убитой перевернули на спину, и к делу приступил врач. Гуров и Синичкин тем временем осмотрели комнату. В ней со вчерашнего дня ничего не изменилось, все вещи находились на прежних местах.

– Где повар Петриченко? – спросил Лев у хозяина виллы. – Нам необходимо его допросить.

– Ждет в гостиной, – с готовностью ответил Кривулин. – Я велел ему там сидеть, никуда не отлучаться. Так что мы сегодня даже без завтрака. Ничего, обойдемся бутербродами...

– Ну, что, вместе будем допрашивать? – повернулся Гуров к Синичкину.

– Я не возражаю, – кивнул тот. – Наоборот, буду рад, если вы с самого начала примете участие в этом расследовании.

Они прошли по коридору, вошли в гостиную. При их появлении повар, сидевший на диване, поспешно встал. Лицо у него было бледное, взволнованное – совсем не такое, как накануне, когда Гуров видел его впервые. Как видно, смерть горничной произвела на Алексея Петриченко сильное впечатление.

– Садитесь, Петриченко, – сказал ему Синичкин. – Сейчас мы с полковником Гуровым проведем допрос в связи со смертью Анастасии Тишкиной. Расскажите, при каких обстоятельствах вы обнаружили тело.

– Я встал, как всегда, в шесть утра, – начал повар. – Сходил на пляж, искупался, потом пошел на кухню, готовить завтрак. Сегодня у меня по плану были тарталетки и фаршированный лосось, а еще... Но это, впрочем, неважно. Значит, я шел по коридору и тут увидел, что дверь в комнату Насти приоткрыта. Я удивился: она никогда так не поступала, всегда дверь закрытой держала. А уж после несчастья тем более – никого видеть не хотела, закрывалась. Проходя мимо, я в шелку заглянул, но ничего видно не было. Тогда я позвал, тихонько так: «Настя, ты у себя?» Никто не отвечает. Я еще раз позвал, погромче. Когда опять никто не ответил, я открыл дверь – и увидел, что стул на полу валяется, а позади стола она лежит. Тогда я побежал наверх, к Егору Борисовичу. Разбудил, все рассказал...

– Давай уточним, – предложил Гуров. – Во сколько точно ты вошел в комнату горничной?

– Так, значит, встал в шесть... – начал высчитывать повар, – потом купался... это минут пятнадцать... потом еще пять... Выходит, было 6.20 или 6.25.

– Пока ты купался и шел обратно, видел кого-нибудь?

– Нет, никого.

– А собаки по парку еще бегали?

– Нет, собак не было. Их Борис ровно в шесть загоняет.

– А самого Глушакова ты видел?

– Нет, – покачал головой повар. – Он, наверное, возле загона был, а это за дежуркой, далеко.

– Может, слышал кого? – спросил Синичкин.

– Нет, только птицы чирикали.

– Ладно, можешь идти, – отпустил повара Гуров. – И позови сюда Глушакова.

Спустя минуту в гостиную вошел охранник. Его красивое лицо было таким же невозмутимым, как и накануне.

– Давай садись, – предложил ему Гуров. – И расскажи, что ты делал сегодня утром. Только смотри, ничего не забывай. А то я знаю, что память у тебя дырявая, важные вещи забываешь.

– Да я ничего не видел, так что и забывать нечего, – ответил охранник, усаживаясь на диван.

– Ну, давай рассказывай! – поторопил его капитан. – Чего ждешь?

– Значит, встал я в половине шестого, – начал свой рассказ охранник. – Пошел, позвал собак, завел их в вольер, покормил. Потом прошел в дежурку, поглядел на экраны. Просмотрел записи за ночь – не случилось ли чего, что камеры зафиксировали. Но на записях ничего не было, и я снова включил их в обычный режим.

– А потом? – спросил Гуров.

– А что потом? Потом сидел в дежурке, и все. А затем прибежал хозяин, сказал, что Тишкину убили. Немного погодя снова пришел, велел идти в гостиную. Говорит, допрашивать тебя будут. Вот, теперь здесь сижу.

– Скажи, друг Боря, – сладким голосом заговорил Гуров, – ты нарочно стараешься сейчас идиота изобразить или это у тебя естественным образом получается? Без усилий?

– Почему вы так говорите? – обиженно ответил охранник. – Почему идиота? Никого я не изображаю. Как было, так и говорю.

– Тогда я по-другому вопрос поставлю. У тебя что, были личные причины ненавидеть Анастасию Тишкину?

– Вы чего? Чего мне шьете? – воскликнул Глушаков. Теперь он уже не выглядел невозмутимым. – С какой стати мне ее ненавидеть? Да мне дела до нее никакого не было!

– Вот это уже похоже на правду, – одобрил его Гуров. – Все люди в усадьбе – и Кривулин, и повар Алексей, и водитель – расстроены гибелью Насти, и только тебе одному все равно. Однако за равнодушие не судят. Меня другое интересует: что ты на этот раз скрываешь? Вчера ты упорно забывал, что после десяти выходил из дежурки. А сегодня что?

– Ничего я сегодня не скрываю! – выкрикнул охранник. Его красивое лицо исказилось, теперь оно выражало злобу и страх. – Все было как я сказал! Хоть сто раз спрашивайте, я то же самое повторю!

– Не будем мы тебя сто раз спрашивать, – сказал Гуров. – Спросим один раз – и хватит. Но не сейчас. У тебя к нему есть вопросы? – обратился он к капитану.

– Нет, – покачал тот головой.

– Все, можешь идти, – отпустил охранника Гуров, и тот поспешно удалился.

– Прежде чем допрашивать остальных, давайте вернемся в комнату убитой – может, специалисты уже закончили работу, – предложил Синичкин.

Сыщики вернулись в комнату Насти. Двое полицейских, приехавших в усадьбу вслед за ними, уже укладывали тело горничной на носилки.

– Ну, Самуил Аронович, что можете сказать? – спросил капитан у врача.

– Картина та же самая, что и вчера, – ответил врач. – Типичная смерть в результате удушья. Как и в том случае, девушку душили сзади, веревкой.

– Когда наступила смерть? – спросил Гуров.

– Между одиннадцатью часами вечера и часом ночи, – объяснил доктор.

– А вы что скажете? – обернулся Лев к криминалисту.

– К сожалению, никаких следов убийца не оставил, – развел тот руками. – Как видно, работал в перчатках. Дверь не взламывал – она, видимо, не была закрыта. Следов борьбы тоже нет.

– Настя в момент убийства сидела или стояла?

– По всей видимости, сидела возле окна.

Гуров вспомнил вчерашний день. Именно в такой позе – сидящей у окна – он застал Настю. И в такой же ее оставил. Возможно, она за весь вчерашний день, после гибели брата, всего несколько раз вставала с места.

– Следов борьбы нет... – повторил он фразу криминалиста. – Кричать она тоже не кричала – иначе в доме кто-нибудь ее услышал бы. Может, она пыталась убежать?

– Нет, я же говорю – она, видимо, сидела вот здесь, – криминалист показал на стул. – Убийца зашел сзади, накинул ей на шею веревку и задушил. Потом опустил тело на пол, бросил веревку и вышел. Ну, это, конечно, предварительное заключение, полный отчет я вам пришлю позже, – сказал он, обращаясь к капитану.

– Ну что, мы можем увозить тело? – спросил врач.

– Да, увозите, – кивнул Синичкин.

Полицейские вынесли носилки с телом горничной, вслед за ними ушли врач и криминалист.

– Ну, что, с кем следующим будем беседовать? – деловито спросил капитан у Гурова.

– Думаю, надо побеседовать с самим Кривулиным, – ответил сыщик. – Вчера он явно что-то скрывал. Сейчас настало время рассказать все без утайки.

Они с капитаном вернулись в гостиную и уже направились к лестнице, чтобы подняться в кабинет хозяина усадьбы, но тут навстречу им быстро спустилась Татьяна Осипова. По ее лицу было заметно, что ее, как и большинство обитателей виллы, убийство Насти не оставило равнодушной.

– Лев Иванович, я хотела бы с вами поговорить! – заявила девушка.

– Мы проводим расследование вместе с капитаном Синичкиным, – сказал в ответ Гуров. – Если хотите что-то сообщить, то расскажите это нам обоим.

– Нет, двоим я говорить не стану, – покачала головой Татьяна. – Только вам одному.

Гуров и Синичкин переглянулись. В следственной практике Гурова такие случаи бывали не раз. Иногда это был лишь каприз свидетеля (или подозреваемого), и если следователь проявлял настойчивость, человек сдавался и выкладывал свое признание всей бригаде. Но иногда он замыкался, и тогда никакими клещами уже не удавалось вытащить из него важную информацию. Ему казалось, что сейчас как раз такой случай.

– Что ж, пойду я, пожалуй, прогуляюсь с гражданкой Осиповой по парку, – сказал он. – А ты, Алексей Петрович, можешь пока один допросить Кривулина.

– Хорошо, – согласился капитан.

– Ну, что, пойдете, поговорим наедине, – сказал Гуров. – Где вы хотите беседовать – у вас или в парке?

– Не там и не там, – ответила девушка. – У стен есть уши, у кустов в парке тоже. Пойдемте на берег. Там далеко видно, никто не подберется, чтобы подслушать.

Они вышли из дома и по посыпанной гравием дорожке направились в сторону моря. Дорожка стала спускаться, затем превратилась в закрученную спиралью гранитную лесенку. Послышался мерный рокот прибоя, и они очутились на пляже. Татьяна огляделась, направились к стоявшим под тентом шезлонгам и села на один из них, Гуров уселся напротив.

– Так о чем вы хотели мне рассказать? – спросил он.

Девушка ответила не сразу. Она завела руки за голову, привычным движением собрала волосы в пучок, поискала в кармашке заколку, но, сообразив, что купаться не собирается, вновь уронила руки и, глядя вниз, в белеющую под ногами гальку, глухо произнесла:

– Вы вчера были правы. Я вам все наврала. Ну, не все, но главное. Никакую музыку я не слушала и в парке не просто так гуляла.

Сказала – и вновь замолчала. Гуров понимал, что сейчас ни в коем случае нельзя давить: перестараться – и девушка спрячется в свою раковину, захлопнет створки.

– Почему же решили сегодня рассказать правду? – мягко спросил он.

– Из-за Насти, – ответила Татьяна. – Если бы это с кем-то другим случилось – пускай, я бы не стала переживать. Но Настя... Она же никогда слова плохого никому не сказала, вообще злиться не умела. Я-то совсем другой человек. Мне спину подставлять не надо – ударить могу. Что делать – жизнь так научила. И другой мне уже не стать. А Настя... Я когда сегодня утром услышала – во мне все прямо перевернулось. И я решила – расскажу все полковнику. А там – будь что будет.

– Вы знаете, кто убил Петра Тишкина? – спросил Гуров. – Вы его позавчера видели, так?

– Нет, убийцу я не видела, – покачала головой девушка. – И не знаю, кто он. Я другое хотела рассказать. Я почему вчера это скрыла? Думаю: кому какое дело до моей личной жизни? Для меня это важно, а к убийству не имеет никакого отношения. Но теперь, после случая с Настей, подумала: а откуда я знаю, что не имеет? В таком деле все важно...

– Вы с кем-то встречались позавчера вечером?

– Да, встречалась, – подтвердила Татьяна. – И не только позавчера. Мы почти каждый день встречаемся.

– С Глушаковым, охранником?

– Да! А откуда вы знаете?

– Ну, догадаться не так уж трудно, – заметил Лев. – Надо только понаблюдать и иметь некоторый жизненный опыт. Значит, позавчера в десять вечера вы вышли в парк не просто погулять, а чтобы увидеться со своим любовником, так?

– Да.

– И где проходила ваша встреча? У него в дежурке?

– Нет. Здесь за домом есть оранжерея. Там, правда, душновато, зато красиво. Кругом орхидеи...

– И там, в оранжерее, вас видел садовник Вишняков...

– Александр Ермолаевич? Он вообще-то в оранжерею часто заходит – ему за цветами ухаживать надо. Но так поздно он в усадьбе не бывает. Я не думаю, что он нас видел.

– А я думаю иначе, – сказал Гуров. – Но это не так важно. Значит, вы находились в оранжерее с десяти – и до сколько?

– Я на часы не смотрела, – призналась Татьяна. – Но, думаю, не меньше часа.

– И все это время в дежурке никого не было и за воротами никто не следил?

– Выходит, что так.

– Ну, а потом, когда свидание закончилось? Вы вместе дошли до дома и там расстались?

– Нет, мы сразу простились, возле оранжереи.

– Скажите, вы, когда шли к месту свидания, и потом, когда возвращались к себе, никого не видели?

– Я знала, что вы об этом спросите, – призналась девушка. – И поэтому специально все припомнила. Значит, так. Когда я шла в оранжерею, то видела Петра с Настей – они вместе шли к дому. Я от них свернула на боковую дорожку – не хотела, чтобы они меня видели. А потом, когда возвращалась... Знаете, что я скажу? Там кто-то был.

– Где?

– Возле дома. Я уже дом видела, лужайку перед домом, и тут вдруг за кустами, справа, услышала шорох. И силуэт чей-то мелькнул.

– Так это, наверное, собака была, – заметил Лев. – Кстати, а как вас собаки пропускают? Мне ваш сердечный друг Глушаков говорил, что они слушаются только его да еще управляющего.

– Так и должно быть, – усмехнулась Татьяна. – Но Боря их переучил, чтобы они меня тоже слушались. Заставлял меня их кормить. Так что теперь я не боюсь ночью по парку гулять. А что касается того, кто был за кустами, то я абсолютно уверена – это был человек, а не собака.

Собаки бы прятаться не стали, ко мне подбежали. Нет, это был человек. Я даже испугалась. Думаю: ой, кто же это? Но потом махнула рукой, решила, у меня свои секреты, почему у кого-то еще их не может быть?

– Так это был кто-то свой или посторонний?

– Откуда я знаю? Я же его не видела.

– А когда вошли в дом – вы видели кого-нибудь?

– Нет, никого.

– И не слышали?

– Не слышала.

– Ну, скажем, звук работающего телевизора...

– Нет, точно не слышала, – уверенно ответила девушка.

– А в общей комнате, где обслуга телевизор смотрит? Вы ведь через нее не проходите...

– Не прохожу, но она недалеко от гостиной. Если бы там кто-то телевизор смотрел, я бы услышала.

– Значит, там точно никого не было?

– Ну да.

– А во сколько вы проходили через гостиную?

– Когда поднялась к себе, я взглянула на часы, – сказала Татьяна. – Была половина двенадцатого.

– Половина двенадцатого... – задумчиво повторил вслед за ней Гуров. – Хорошо. Значит, вы встречаетесь с Глушаковым практически каждый день. И давно так?

– Ну, как сказать, – пожала она плечами. – Месяц примерно.

– А ваш... покровитель? Кривулин? Он об этом знает?

– Нет, что вы! Если бы он узнал – меня бы здесь давно не было. Да и Бориса тоже. И хорошо еще, если бы он нас просто выгнал. Кривулин – человек мстительный.

– Что вы хотите этим сказать? Что он вас мог убить, что ли?

– Может, убить, может, искалечить. Отомстить по-разному можно.

– Значит, позавчера, в тот вечер, когда убили Петра Тишкина, вы встречались с Глушаковым. А вчера? Вчера тоже с ним виделись?

– Нет, вчера – нет. Борис, правда, хотел, настаивал даже, но я не могла. Так ему и сказала: «Не могу в такую минуту, когда труп Пети еще не остыл. Ни о чем не могу думать».

– И что же вы делали с шести и до одиннадцати вечера?

– Вот вчера я делала как раз то, о чем говорила вам позавчера, – сказала Татьяна. – Залегла на диван и стала музыку слушать.

– И ничего подозрительного не видели?

– Нет.

– А ваш любовник, значит, настаивал, – заметил Гуров. – Крепкий товарищ, ничего его не берет. И за что только вы его выбрали? Чем вам Кривулин плох оказался?

– Егор Борисович поначалу тоже внимание проявлял, щедрость. Украшения часто дарил. Но, знаете, всякая страсть со временем остывает. Хочется чего-то нового. Он стал ко мне менее внимательным, ну, и я тоже... А Боря – он ведь такой красивый! Такой крепкий торс, чеканный профиль... Тут, в усадьбе, других таких нет. Все какие-то замухрышки.

– Что ж, спасибо за информацию, – сказал Гуров, поднимаясь с шезлонга. – Будем надеяться, что на этот раз вы рассказали все, ничего не утаили.

Глава 10

Лев быстро направился к дому. Он уже собирался войти внутрь, когда навстречу ему из дома вышел капитан Синичкин.

– Как мы дружно закончили, – заметил Гуров. – Что, поговорил с магнатом?

– Поговорил, – кивнул капитан.

– И что он? Рассказал что-нибудь существенное?

– Нет, ничего путного, – покачал головой Синичкин. – Ничего не видел, ничего не слышал. Но кое-что новое он все же сказал.

– Что же?

– Что он больше не доверяет своему телохранителю Сергею Жилкину.

– Вот как? – удивился Гуров. – Что, он подозревает его в этих убийствах?

– Ну, так прямо он мне этого не говорил, но дал понять. Сказал, что два таких похожих убийства, скорее всего, совершил один и тот же человек и что это кто-то из живущих в усадьбе. А среди ее обитателей есть только один, кто способен на двойное убийство. И он рассказал мне о криминальном прошлом Жилкина.

– Но ведь ты и раньше об этом знал, верно?

– Знал, конечно, – кивнул капитан. – Я еще вчера утром весь архив перерыл, на каждого обитателя усадьбы личную карточку составил. А вы-то откуда об этом знаете? Что, в Москву звонили?

– Нет, не звонил, – покачал головой Гуров. – Мне сам Жилкин об этом вчера рассказал.

– Вот как? Интересно... – протянул Синичкин.

– Ничего особенно интересного. Психологически понятный поступок. Жилкин – из тех людей, которые в случае опасности не бегут от нее, не прячутся, а спешат ей навстречу. Из таких людей и уголовники получаются, и наш брат – милиционер. То есть, по-новому, полицейский. А рассказал, чтобы показать, что он ничего не боится и не скрывает. Значит, Кривулин заявил, что утратил к нему доверие?

– Да, именно так, – подтвердил капитан. – Сказал, что сегодняшнюю ночь он, скорее всего, проведет в отеле «Жемчужина». И вообще намерен жить там до конца расследования. «Так мне спокойней будет», – заявил.

– Что ж, если ему там спокойнее, пусть там и живет. Ну, давай установим очередность дальнейших следственных действий. Мы допросили владельца усадьбы, его любовницу, повара и охранника. У нас остались садовник Вишняков, управляющий Чанба, егерь Муртазин и тот самый Жилкин, о котором мы уже говорили. Предлагаю начать с садовника. И знаешь почему?

– Из-за перчаток, да?

– Угадал. Я согласен с Кривулиным: похоже, что оба убийства совершил один и тот же человек. В первом случае он действовал в хлопчатобумажных перчатках, в каких чаще всего работает садовник. Возможно, так же обстояло дело и вчера. Надо бы посмотреть, где хранятся эти перчатки. И вообще побеседовать с Александром Ермолаевичем поподробнее.

– Что ж, пошли искать садовника, – согласился капитан. – А пока расскажите, что вам сообщила Татьяна. Что там у нее за секреты?

– Да ничего особенного, – ответил Гуров. – Наша фотомодель призналась, что уже месяц изменяет своему покровителю.

– И с кем же?

– С охранником Глушаковым. И в ночь первого убийства тоже с ним развлекалась. Так что одну тайну позавчерашнего вечера мы раскрыли. Но это нам ничего не дает. К разгадке убийства мы не приблизились.

– Может, садовник что-нибудь интересное скажет, – предположил капитан.

Однако беседу с садовником оперативникам пришлось отложить. Едва они двинулись по дорожке, ведущей в глубь парка, как увидели идущего навстречу человека лет сорока. Гурову он был незнаком. Встретившись с оперативниками, человек остановился, взглянул сначала на Синичкина, потом перевел взгляд на Гурова и произнес:

– Мне жена сказала, что меня тут из полиции искали. Вот я и приехал.

– Ага, значит, вы – Муртазин? – догадался Лев.

– Да, это я.

– Я – полковник Гуров, а это – капитан Синичкин. Давайте пройдем в дом, там поговорим, – предложил Гуров.

Они вернулись в дом, вошли в гостиную. Сыщики сели по одну сторону стола, егерю предложили место напротив.

– Скажите, Муртазин, а у вас перчатки есть? – задал Гуров первый вопрос.

Как видно, этот вопрос оказался для их собеседника не таким простым. Егерь в растерянности опять посмотрел сначала на одного оперативника, потом на другого, затем ответил:

– Ну, есть, конечно. А что?

– Вы их давно надевали? – спросил Гуров.

– Перчатки-то?

– Ну да, перчатки. Когда вы их в последний раз надевали?

– Когда, когда... Вчера, что ли? Или третьего дня? Вроде третьего дня...

– А зачем?

– Как зачем? Ежевика замучила, – объяснил егерь. И, видя недоумение на лицах своих собеседников, пояснил: – Ежевика у нас в сад лезет. С обрыва, значит, лезет. Я уж ее и выкапывал, и тасолом поливал, и бензином – ничего не помогает. Вот я третьего дня взял секатор и опять принялся ее вырезать. А без перчаток там делать нечего – все руки исцарапаешь. Хотя у меня руки привычные, а все равно защита нужна.

– А почему вы решили, что мы имеем в виду именно хозяйственные перчатки, из «хэбэ»? – вступил в разговор Синичкин. – Ведь полковник этого не говорил.

– А какие же еще? – удивился егерь. – Мы других не держим. Это у вас там, на севере, рукавицы нужны. Нам без надобности. Только почему вы говорите: «хэбэ»? Никакое не «хэбэ», я брезентовые перчатки надевал. «Хэбэ» для ежевики не годятся – подерутся все, и толку не будет.

– Так у вас их что, совсем нет? Только брезентовые? – спросил Гуров.

– Почему нет? Есть, – нехотя признался Муртазин.

– А где вы их покупали? В каком магазине? – продолжал наступать полковник.

Этот, казалось бы, невинный вопрос привел егеря в сильное смущение. Он почесал затылок, поглядел в потолок, будто что-то припоминая, потом признался:

– Тут знаете, какое дело... Если правду сказать, я их не покупал.

– Откуда же они у вас взялись? – не отставал Гуров.

– Да взял я их, – признался егерь. – Здесь, в усадьбе, и взял.

– Это где же?

– Да у Сашки-садовника. У него домик есть, возле оранжереи, он там инструменты всякие хранит, химикаты, удобрения. Вот там и взял. Вы только Егору Борисовичу не говорите, – попросил егерь, – а то он расстроится.

– А ведь ты, Муртазин, наверное, немало денег у Кривулина получаешь, – заметил капитан. – Сколько он тебе платит?

– Ну, так тридцать тысяч, – ответил егерь. – А если охота удачная случается, то еще двадцать добавляет – это вроде премия.

– Неплохие деньги, – заметил Гуров. – А вы ведь еще дом свой сдаете, во флигель всей семьей переезжаете. Тесно, наверное, во флигеле. У вас сколько детей?

– Да нет пока у нас детей, – признался Муртазин.

– А что так? Жена болеет?

– Да нет... – неохотно сказал егерь. – Не хочет она. Да и я не хочу. Когда мне за детьми смотреть? Я целый день в горах, в лесу. А у нее все хозяйство на шее: куры, индюшки... Опять же постояльцы...

– Скажите, Муртазин, зачем вы позавчера приходили в усадьбу? – спросил Гуров, резко меняя тему разговора и задав егерю, в сущности, главный вопрос. – Вы ведь знали, что хозяина нет, что он уехал. Зачем же пришли?

– Да не знал я! – воскликнул егерь. – Мне Егор Борисович днем позвонил, сказал: «Приходи, расскажешь, что нашел». Ну, я и пришел. А тут встречаю Борьку, охранника, а он и говорит: «А хозяина нет – уехал он». Я ему: «Как так уехал?» – «Да вот так, взял и уехал».

– И что же вы стали делать, когда узнали, что Кривулина нет? – спросил Гуров.

– Да сел вместе с Борькой телевизор смотреть, – признался егерь.

– А что, ты любишь шоу смотреть? – уточнил капитан. – Ни одного, наверное, не пропускаешь? Всех ведущих знаешь?

– Нет, не знаю я никого! – замахал руками Муртазин. – И телевизор этот редко смотрю. Так, новости вечером послушаю, и все. А тут так сложилось... Пришел, а делать нечего. В лес уже не пойдешь – поздно. А домой... – Возможно, он хотел сказать «не хочется», но не сказал. Вместо этого закончил так: – А домой рано еще. Ну, и посидел.

– Долго сидел? – спросил Гуров.

– Да, что-то задержался я, – признался Муртазин. – Часов до одиннадцати сидел. У меня часов нет, я Борьку спросил: «Сколько времени?» А он говорит: «Да рано еще, одиннадцать только». Ну, я и пошел домой.

– А пока шел, никого на дороге не видел? – спросил его Синичкин.

– Нет, никого не было, – покачал головой егерь.

– И во сколько же ты пришел домой? – продолжал расспрашивать капитан.

– Мне тут идти минут сорок... Я быстро хожу... Где-то без четверти двенадцать вернулся.

Жена уже легла, еще ворчала на меня: почему, мол, так поздно.

– А вчера вечером где вы были? – спросил Гуров. – Тоже здесь, в усадьбе?

– Нет, что мне здесь делать? И хозяин меня не вызывал. Я в горах был, в лесу.

– А домой во сколько вернулись?

– Вчера рано вернулся. Я, бывает, и до темноты задерживаюсь, а вчера ничего интересного не нашел, поэтому рано вернулся. Часов в семь уже дома был.

– Скажите, Муртазин, а что вы делаете в этих горах, где целыми днями пропадаете?

– В горах много работы, – ответил егерь. Было заметно, что на этот вопрос он отвечает охотно. – Надо по всем знакомым местам пройти, посмотреть, что изменилось, что как. Я слежу, где какие семьи пасутся, куда передвигаются...

– Это ты о каких семьях говоришь? – удивился капитан.

– О звериных, конечно. Тут кабаны живут, олени, кабарга, косули, лоси, волки. Ну, еще зайцы, лисы. И птицы, естественно, – глухари, куропатки, фазаны. Я их всех знаю. В ту сторону почти до самого Лазаревского, а в ту – до Адлера. Смотрю, где в семьях прибавление, где новые группы образовались. Ага, думаю, значит, можно отстрел произвести.

– То есть вы с Кривулиным не просто так живность бьете, а с умом?

– Конечно, с умом! – подтвердил егерь. – Обязательно с умом. Я ведь егерем уже двадцать лет работаю. До того как к Егору Борисовичу пойти, в охотхозяйстве сколько лет отпахал...

– Значит, когда вы выясняете, что зверь есть, то извещаете Кривулина, и вы идете на охоту, – подытожил Гуров рассказ егеря. – И часто вы с ним ходите?

– Раз в месяц – это обязательно, – ответил Муртазин. – А иногда и чаще получается. Например, разок на косулю ходим, другой раз на зайцев, а третий – фазанов постреляем.

– А за ружьями, которые у него в кабинете висят, тоже вы ухаживаете? – спросил Гуров.

– Да, конечно, – чищу, смазываю, прицел выверяю.

– А когда – прямо перед охотой?

– Нет, перед охотой нельзя, – покачал головой егерь. – Это получится как в пословице: «На охоту идти – собак кормить». Я в другие дни это делаю, когда хозяин в кабинете не сидит и я ему не мешаю.

– А позавчера вы разве не заходили в кабинет? – спросил Гуров самым невинным тоном. – Раз уж все равно пришли и хозяина нет. Было бы странно, если бы не занялись делом в такой подходящий момент.

Загорелое лицо егеря побледнело, только что такой оживленный, он снова выглядел растерянным и переводил взгляд с одного оперативника на другого, словно ждал от кого-то из них подсказки.

– А вы правду скажите, так лучше будет, – усмехнулся Гуров, будто прочитав его мысли. – А то, если врать сейчас начнете, запутаться можно...

– Правду... Да почему не сказать, – пробормотал егерь. – Только...

– Что – «только»?

– Если бы Петра в тот вечер не убили, то оно бы ничего... А так получается, что я там был...

– Значит, вы не сразу пошли смотреть телевизор? – Гуров скорее не спрашивал, а утверждал. – Вначале зашли в кабинет и осмотрели ружья, да?

– Да, заходил, – кивнул егерь. – «Сайгу» посмотрел, «тулку» проверил... Остальные смотреть не стал, решил – потом сделаю.

– Во сколько вы зашли в кабинет?

– Я точно не знаю... Темнело уже, это точно... Наверное, было около половины десятого.

– А вышли когда?

– Десяти еще не было, – ответил егерь. – Я почему знаю – потому что шоу у Борьки точно в десять началось, а я как раз к началу поспел.

– Пока вы были в кабинете, никого там не видели? Ничего не слышали?

– Нет, никто не заходил, – покачал головой Муртазин.

– И все в кабинете было как обычно?

– Да, все... Хотя нет! Там у шкафа была дверца приоткрыта. Я еще подумал: «Что это Егор Борисович шкаф открытый оставил? На него не похоже!» И прикрыл.

– Вот как! – произнес Гуров и переглянулся с капитаном Синичкиным.

– А в шкаф ты не заглядывал? – спросил капитан.

– Нет, зачем? Там у Егора Борисовича костюмы висят, халаты. Мне зачем?

– А когда уходил, ты Петра Тишкина не встретил? Он как раз в это время должен был в кабинет подняться.

– Нет, не встретил, – ответил егерь. – Наверное, мы с ним немного разминулись.

– Ладно, Муртазин, – сказал Гуров. – Пока у нас к вам все. Но, думаю, вопросы еще будут. Так что в горах не исчезайте, пока идет расследование. Посидите пока дома.

– И учти – пока что мы это тебе как пожелание высказываем, – добавил Синичкин. – Но если обнаружим, что ты наше пожелание не выполняешь, оформим все по закону, как домашний арест. Все, можешь идти. – Он подождал, пока дверь за егерем закроется, и спросил: – Ну что, Лев Иванович, за кого сейчас возьмемся?

– Зачем менять планы? – ответил Гуров. – Мы хотели поговорить с садовником – значит, надо его найти.

Они вышли из дома и направились в глубину парка. Вскоре впереди показались стеклянные стены оранжереи. К ней примыкала сторожка. Дверь была открыта, а перед ней стоял садовник Александр Вишняков и помешивал в ведре какой-то раствор зеленоватого цвета.

– Здравствуйте, Александр Ермолаевич, – приветствовал его Гуров. – Вот, пришли с вами поговорить.

– Добрый день, – отозвался садовник. На этот раз он не казался таким неприветливым и угрюмым, как накануне. Лицо, правда, такое же мрачное, но было видно, что он готов разговаривать.

– Может быть, мы где-нибудь присядем? – предложил Гуров. – Если, конечно, ваш раствор не испортится за время нашего разговора.

– Нет, не испортится, – заверил его Вишняков. – Пойдемте наверх, на верхнюю террасу. Там тень густая, жара меньше чувствуется.

– А что, вы вашу сторожку не будете закрывать на время вашего отсутствия? – поинтересовался Лев, видя, что садовник уже повернулся, чтобы уходить.

– Нет, зачем? – удивился Вишняков. – Я ее никогда не запираю. Кто тут что возьмет? Мои инструменты никому не нужны.

– Не скажите. Инструменты, может, и не нужны, а вот кое-какой инвентарь может кому-то понадобиться. Вы перчатки где храните, здесь?

– Какие, рабочие? Да, здесь.

– А можно посмотреть?

– Пожалуйста, – ответил садовник, несколько удивленный интересом сыщика. – Вон, глядите, вон они, на верхней полке лежат.

Гуров, а вслед за ним и Синичкин заглянули в сторожку. Здесь царил идеальный порядок: грабли, лопаты и другие инструменты висели по стенам в специальных держателях, на полках стояли пакеты с удобрениями и разными химикатами. На одной из полок виднелась стопка белых хлопчатобумажных перчаток.

– Да, вижу, лежат, – сказал Гуров. – Их число вы, конечно, не учитываете?

– В каком смысле? – не понял вопроса Вишняков.

– То есть вы вряд ли можете сказать, что перчаток меньше, чем должно быть. Что часть их куда-то исчезла.

– Ну, считать их я, конечно, не считаю, но общее количество примерно знаю, – ответил садовник. – Сейчас, дайте-ка взгляну... – Он подошел к полке, взял в руки стопку перчаток, покрутил в руках, положил обратно и озадаченно проговорил:

– Знаете, их и в самом деле почему-то меньше, чем должно быть. Слово пар пятнадцать-двадцать куда-то исчезли.

– А кто их мог взять, не знаете?

– Взять? Ну, прежде всего Сергей, водитель. Он их берет, когда машину ремонтирует, но редко, ему столько не нужно. Еще Борис берет, охранник, – он тоже иногда ремонтом занимается. Но он это еще реже делает. Я ведь еще и поэтому сторожку не запираю – как им перчатки понадобятся, они могут прийти, взять. Но столько пар? Кто мог на эту дешевку позариться?

– Ну, бывают такие хозяйственные люди, – заметил Лев. – Хорошо, сторожку вашу мы посмотрели, давайте теперь пойдём на террасу, в тень.

Они поднялись по дорожке, обсаженной кустами самшита, и вышли к площадке, на которой царила густая тень от разросшихся деревьев. Здесь стояли рядом две скамьи. На одну сели сыщики, Вишняков устроился на второй.

– Скажу вам сразу, Александр Ермолаевич, – начал Гуров. – Я разгадал тайну, которую вы при вчерашнем нашем свидании так упорно от меня скрывали. Вернее, не то чтобы разгадал, а мне о ней рассказала сама участница этой тайны. Сказать или вы расскажете?

– Пока я не знаю наверняка, о чем идет речь, ничего не скажу, – насупился садовник.

– Хорошо, пусть будет по-вашему. Сегодня я имел беседу с Татьяной Осиповой, и она поведала мне, что позавчера, как раз в то время, когда Петр Тишкин сидел в кабинете Кривулина, она находилась в оранжерее. Причем не одна, а с Борисом Глушаковым. Татьяна при-

зналась также в том, что это свидание с охранником у нее было не первое. Ну, теперь готовы сказать, кого вы видели позавчера вечером, о ком говорили, что «каждый имеет право на частную жизнь»?

– Ну, раз так, то скрывать нечего. Да, позавчера я видел Татьяну с Борисом возле оранжереи.

– Когда они входили туда или выходили?

– Когда входили.

– Сколько было времени?

– Без десяти десять.

– А во сколько они вышли?

– Ну, знаете! – воскликнул Вишняков. – Я за ними не следил. Я как раз закончил работу и собирался уходить. Чтобы не напугать молодых людей, тихонько убрал лопату с граблями и пошел домой.

– Во сколько вы ушли из усадьбы?

– В десять пятнадцать.

– И во сколько же вы были дома?

– Без пяти одиннадцать.

– Почему же столько времени ушло на дорогу? До поселка ведь совсем близко.

– На машине, может, и близко, только у меня ее нет.

– И никто не подвез?

– А кто подвезет? Поздно уже было. Да и если бы раньше пошел, все равно надеяться не на кого. У Константина Семеновича, нашего управляющего, машина, правда, есть, но он никого не подвозит, когда он меня обгоняет, то всегда в другую сторону смотрит. Ну, да я не в обиде. Вечером полтора километра прогуляться – одно удовольствие.

– Кто может подтвердить время вашего возвращения?

– Жена, дети. Дети у меня вполне взрослые – сыну 32 года, дочери 27.

– А вчера вы когда домой вернулись?

– Вчера я не задерживался, – ответил садовник. – Уже в семь часов был дома.

– А управляющий вас и в этот раз не подвез?

– Нет, не подвез, – покачал головой Вишняков. – Вчера все было как я вам уже сказал: отвернул голову и проехал.

– Значит, в момент убийства горничной вас здесь не было, и ничего об обстоятельствах этого дела вы сказать не можете, – резюмировал Гуров. – И тем не менее мне хочется вас спросить: что вы думаете об этих двух убийствах?

– Что я думаю... – медленно произнес Вишняков. – Конечно, у меня есть кое-какие соображения, но вы же понимаете, что я в этом деле ничего не смыслю. Это не вывод нового сорта, не подвой с привоем. Чисто дилетантские соображения.

– Ладно, давайте ваши дилетантские соображения, – предложил Лев.

– Во-первых, скажу, какие чувства у меня это вызывает. Знаете, я редко испытываю такое чувство, как ненависть. Но вот этого негодяя, который убил сначала Петю, а затем и Настю, задушил бы своими руками, честное слово.

Вишняков уставился на свои крупные, испачканные в земле руки, словно представляя, как он душил негодяя. Затем продолжил:

– А что касается соображений... Вначале, когда убили Петю, я думал, что это из-за денег. Ни для кого здесь не секрет, что Егор Борисович доверял своему секретарю довольно крупные суммы. Возможно, у него в тот вечер были на руках как раз такие деньги. Тогда причина убийства понятна. Но после того как убили Настю... Тут уж точно деньги ни при чем. Остается предположить, что среди нас имеется какой-то маньяк, который убивает просто из-за любви к убийствам. А может, он таким образом готовится к какому-то главному для него, самому важ-

ному убийству? Не знаю. Но в любом случае прошу вас: найдите этого мерзавца! Отомстите за Петра и Настю!

Глава 11

Расставшись с садовником, оперативники вновь спустились на площадку перед домом и здесь остановились.

– Нам осталось допросить двоих, – заговорил Гуров. – А именно, управляющего и водителя. Предлагаю сейчас разделить. Я возьму на себя Жилкина, а ты – Чанбу. Идет?

– Ладно, давайте так, – согласился капитан. – А потом встретимся и обсудим ситуацию, а то мы этого до сих пор ни разу не делали.

– Хорошо, – кивнул Гуров. – Тогда так: давай спустя полчаса встретимся на пляже. Татьяна, когда хотела со мной наедине поговорить, именно туда меня повела. Сказала, что там самое надежное место в плане подслушивания. И я с ней согласен.

– Значит, через полчаса на пляже, – кивнул Синичкин, и они расстались.

Водителя Гуров нашел там, где ему и полагалось быть, – в гараже. Сергей Жилкин поливал из шланга белоснежный «Лендровер». Рядом виднелся «Опель» с раскрытым капотом.

– Я вижу, уход за машинами в самом разгаре, – подходя, заметил Лев.

– Кривулин на своем «Лексусе» в город уехал, – объяснил Сергей. – Меня не взял, говорит: «К тебе у полковника Гурова наверняка будут вопросы». Объяснение вроде правильное, но я чувствую, тут причина другая. Не доверяет он мне больше. Вот расследование закончится – и уволит.

– Но если в результате расследования мы найдем убийцу, причин для недоверия больше не будет, – ответил на это Гуров.

– Вроде бы так, – согласился водитель. – Только в жизни не всегда по логике получается. Доверие – тонкая вещь. Раз уж оно потеряно – скорее всего, больше не вернется.

– И ты, чтобы вернуть доверие хозяина, решил навести блеск на весь его автопарк?

– Да нет, доверие тут ни при чем, – покачал головой Жилкин. – Просто душа у меня не на месте. И купаться не хочется, и глядеть ни на что не хочется. Вот и решил машинами заняться – хоть польза какая будет.

– Это ты из-за Насти так переживаешь? – спросил сыщик.

– И из-за Насти тоже, – кивнул Сергей. – Но тут еще одно обстоятельство имеется. Выходит так, что я ее вчера последний в живых видел, а значит, на меня и все подозрения.

– Как же это было? Ну-ка, расскажи.

Водитель выключил воду, положил шланг, затем тщательно вытер руки. После этого оперся на капот машины и заговорил:

– Я вчера, как всегда, вечером искупался, потом сел в общей комнате телевизор смотреть. Но ничего толкового не было – все мура какая-то. Полчаса каналы пощелкал – надоело. И тут сообразил, что я Настю с самого утра не видел. Как утром тело Петра увезли, она из своей комнаты больше не выходила. И так мне жалко ее стало! «Давай, – думаю, – зайду, проведаю девчонку». Прошел по коридору, постучал. Она сначала не отвечала, потом откликнулась. Ну, я вошел... Смотрю, она у окна сидит, и тряпка какая-то в руках. Как будто собралась прибраться, да села и уже не вставала. Такое меня зло взяло! «Что же это, – думаю, – с человеком сделали, гады!» Захотелось мне ее из этого состояния вывести, разговорить. Ну, я присел, начал ее в разговор втягивать...

– Получилось?

– Сначала ничего не получалось, потом она понемногу стала отвечать.

– И о чем говорили?

– Я заранее решил, что о Петре, о его смерти говорить не буду. Стал спрашивать о ее планах. Она сказала, что в Москву уедет, брата хоронить. Я спросил, где в Москве работать будет. Она назвала пару хозяев, у которых раньше работала – где горничной, где просто при-

слугой. Я тоже пару таких адресов знал. Вот, поговорили о ее новой работе. Под конец она даже оживилась, стала более-менее связно отвечать. И тряпку эту из рук убрала. Даже захотела меня чаем угостить, представляете? Но я отказался. Теперь думаю – зря. Если бы она с этим чаем затеялась, я бы у нее еще полчаса просидел – глядишь, и не убили бы ее. А так... Я отказался... Говорить вроде стало не о чем. И потом, я вижу – она вроде в себя немного пришла. «Что это я целый день сижу? Пойду, пройдусь немного, да и спать лягу», сказала. Я ответил, что, мол, хороший план. Ну, и пошел.

– Сразу пошел к себе и лег спать?

– Да, пошел, но не сразу. Тут еще одна вещь случилась.

– Какая?

– Я с ней долго прощаться не стал, сразу вышел. А когда выходил, звук услышал – вроде кто-то от меня по коридору убежал. Стоял у двери, подслушивал, а потом бросился бежать. Мне это, конечно, подозрительным показалось, и я за ним, за убежавшим. Думаю: сейчас он в гостиную выбежит, а оттуда наружу. Но в гостиной окна во всю стену, любого, кто входит или выходит, видно. Я его увижу и спрошу, чего это он у дверей подслушивает.

– Ну и что, увидел? – спросил Гуров, весь подавшись вперед в ожидании ответа.

– Нет, никого не увидел. Когда я выбежал в гостиную, там было пусто. И дверь входная не открывалась, не закрывалась. Она, когда закрывается, хлопает довольно сильно, доводчик плохо отрегулирован. Но это не моя забота, за этим Борис должен следить. Это я к тому, что я бы услышал, если бы кто-то вышел. Но никто не выходил. Я еще в коридорчик заглянул, который к кухне ведет, но там тоже никого не было. И тут я вспомнил, что, когда только к Насте направлялся, видел Лешку, повара, он во двор курить пошел. Значит, это не он подслушивал. Кто же тогда? Оставались только те, кто наверху живет: Татьяна и сам Егор Борисович. Ну, а их отслеживать мне как-то не хотелось. И я пошел спать.

– То есть ты считаешь, что у дверей Настиной комнаты подслушивали либо Осипова, либо Кривулин? – уточнил Гуров.

– Ну, вроде так получается, – ответил Жилкин.

– Но это как-то странно. Зачем Кривулину подслушивать у двери горничной? Да и Татьяну Настя не слишком интересовала.

– Я тоже над этим думал, – признался водитель. – Может, Егор Борисович за Настю беспокоился – не сделала бы с собой чего, поэтому и подошел к двери? Послушал, о чем речь идет, понял, что все в порядке, и ушел.

– Но ты же вроде говорил, что человек, стоявший за дверью, от тебя убежал? – напомнил Лев. – Зачем хозяину убежать? Он бы всегда мог объяснить свой интерес. А так поступать – только лишние подозрения вызывать.

– Да, согласен, – кивнул Сергей. – Не сходится тут. Но ничего другого мне на ум не пришло.

– Ладно, спасибо за интересное сообщение, – сказал сыщик. – Теперь я над ним подумаю. Можешь дальше заниматься своим автопарком.

Он покинул гараж и направился к морю. Капитан уже был здесь, сидел на том же самом шезлонге, на котором недавно сидела Татьяна, делая свое признание. Гуров устроился рядом и спросил:

– Ну, как там управляющий? Сделал чистосердечное признание?

– Какое там признание! – махнул рукой капитан. – Ничего не видел, ничего не слышал, никого не знает. И на все одна присказка: «У меня столько дел, дорогой, разве все упомнишь?»

– Ладно, оставим пока господина Чанбу в покое, – сказал Лев. – Нам с тобой надо обсудить ситуацию – помнится, ты сам это предлагал.

– Давайте, – кивнул Синичкин. – С чего начнем?

– С тебя. Изложи-ка свои соображения по обоим этим преступлениям.

– Что ж, это можно, – ответил капитан. – Значит, так. Оба убийства совершены одним человеком. Об этом говорит использование одного и того же способа – удушения жертвы веревкой – и ряд деталей – преступник в обоих случаях подкрадывался к жертве сзади. В первом случае Тишкин не видел своего убийцу. Очевидно, тот заранее спрятался в платяном шкафу и выжидал удобного момента. Когда этот момент настал, он подкрался к сидящему секретарю, накинул ему веревку на шею и задушил. Во втором случае у убийцы не было возможности напасть из засады. Горничная впустила убийцу в комнату, значит, он был ей знаком. Это подтверждает первоначальную версию о том, что оба убийства совершил кто-то из обитателей виллы.

– Согласен, – кивнул Гуров. – Если только не предположить, что у Насти имелся какой-то знакомый в поселке, который вчера пришел ее навестить. Но если принять гипотезу об этом загадочном знакомом, то возникает целый ряд вопросов. Кто он? Когда и при каких обстоятельствах познакомился с Настей? Как смог незамеченным прийти в усадьбу, а затем так же скрытно ее покинуть? Ведь никто из обитателей «Аркадии» не упоминал ни о каких незнакомцах... Хотя нет, вру, – один упоминал. Охранник Глушаков вчера мне заявил, что вроде бы увидел на мониторе какого-то человека в отдаленном углу парка. И якобы вышел из сторожки, чтобы проверить, кто там прячется, но никого не нашел.

– А потом Осипова вам призналась, что у них с Глушаковым было свидание, – добавил капитан. – И шел он именно на встречу с ней. А байку про «тень в углу» придумал, чтобы вам мозги запудрить.

– Да, похоже на то. Значит, вопрос остается: как мог этот предполагаемый знакомый попасть в усадьбу? В общем, целая куча вопросов. И правильнее будет, чем искать на них ответы, исходить из предположения, что убийца – кто-то из своих. Тогда давай поставим вопрос по-другому: кто это мог быть?

– Я об этом уже два дня думаю, – признался капитан. – И отвечу: все, кроме Татьяны.

– Потому что у нее не хватило бы сил?

– Вот именно. Убийца – мужчина. Он необязательно высокого роста – в случае с Тишкиным жертва сидела, Настя, скорее всего, тоже. Но даже если и стояла, она невысокая. Он должен обладать значительной силой: ведь надо не только затягивать веревку, а и удерживать жертву на месте.

– В таком случае еще двое из обитателей усадьбы, скорее всего, не годятся на роль убийцы, – заметил Гуров. – Это повар Петриченко и садовник Вишняков. Один молод, но отличается хлипким телосложением, а второй преклонного возраста.

– Однако полностью исключать их нельзя, – заявил Синичкин. – При внезапном нападении их сил могло хватить.

– Да, могло... А теперь давай зададим еще один серьезный вопрос: почему?

– Ну, в случае с секретарем ответ очевиден, – пожал плечами капитан. – Это деньги. Те два миллиона, которые Тишкин должен был передать субподрядчикам.

– Постой, а ты откуда про два миллиона знаешь? – удивился Гуров. – Что, тебе Кривулин тоже все рассказал?

– Нет, он мне о деньгах не говорил, – ответил Синичкин. – Но плохой я был бы полицейский, если бы не выяснил такую важную деталь. И не так уж это было сложно. Что Кривулин часто пользуется при расчетах «наличкой», у нас все знают. А чтобы узнать точную сумму, которой в тот вечер располагал Тишкин, мне достаточно было поговорить с подрядчиками. Они упираться не стали, все рассказали. Так что я знаю столько же, сколько и вы.

– А как ты думаешь, Кривулин мог догадаться, что ты узнаешь про его финансовые тайны?

– Ну, он же не дурак. Думаю, он понимает, что мне все известно.

– Тогда возникает вопрос: зачем он на самом деле пригласил меня участвовать в расследовании? – задумчиво произнес Гуров.

– А он вам сказал, что это из-за «кэша»? Что он не хочет привлекать внимания к своим финансовым операциям с «наличкой»?

– Ну да. Дескать, тут проверки идут, и его тоже замучают...

– Было бы что проверять – давно бы проверили, – заверил капитан. – Мне ребята из финансового управления говорили: Кривулин, конечно, «наличкой» пользуется, но умеренно. Не наглет, схемы всякие не разрабатывает. Так что поводов приставать к нему особых нет.

– А раз так, тогда я снова задаю вопрос: зачем я ему понадобился?

– Ну, можно предположить, что он просто нам не доверяет, – пожал плечами Синичкин. – Захотел ускорить расследование... А еще опасается за свою жизнь...

– Все это так... Но чтобы человек примчался ко мне в санаторий рано утром... Чтобы так уговаривал... Понимаешь, он упрашивал меня заняться этим расследованием так, словно от этого зависело все. Что-то здесь не сходится. Такое впечатление, что наш магнат что-то скрывает. Скажи, ты вроде говорил, что проверил его алиби?

– Да, я это сразу же сделал, в первую очередь, – заверил Льва Синичкин. – Он действительно ездил в Адлер, был у поставщика щебня. Переговоры закончились только в начале двенадцатого. Раньше двенадцати он никак не мог приехать в усадьбу.

– А что, если было так: он на самом деле приехал в двенадцать. Вошел к себе в кабинет. Тишкин еще был там и работал. Между ними возникла ссора. Почему – неважно, допустим, что возникла. И Кривулин задушил своего секретаря. А потом объявил, что только что обнаружил труп. Могло так быть?

– Тогда смерть наступила бы уже после полуночи, – ответил Синичкин. – Между тем мы приехали по вызову Кривулина уже в три часа. И Самуил Аронович уверенно определил, что смерть наступила более трех часов назад. У него и в заключении так написано: «Смерть наступила в промежуток с половины одиннадцатого до половина двенадцатого».

– Ну, Самуил Аронович может и ошибаться... – пробормотал Гуров.

– Может, конечно, – согласился капитан. – Но есть еще несколько обстоятельств, которые не совпадают с этой версией. В первую очередь – перчатки. Если у них внезапно ночью возникла ссора, то откуда предполагаемый убийца взял перчатки? Не в шкафу же он их держал! А кроме того – веревка, орудие убийства. Она тоже в убранство кабинета не входит.

– Верно говоришь, – кивнул Лев. – Ладно, тогда так: никакой внезапной ссоры не было, а Кривулин давно задумал избавиться от Тишкина. Почему? Скажем, он решил, что секретарь слишком много знает. А может, Тишкин даже начал его шантажировать. Конечно, все жители усадьбы характеризуют погибшего секретаря только положительно – тихий, вежливый и все такое, но мы знаем, кто водится в тихом омуте. Короче, магнат решил избавиться от секретаря и с этой целью задумал всю эту комбинацию с внезапной поездкой в Адлер – чтобы создать себе алиби. Перчатки и веревку он приготовил заранее, а потом вернулся и задушил. Могло так быть?

– Могло, наверное, – пожал плечами капитан. – Задушил, потом раздвинул одежду в шкафу, словно там кто-то стоял (мы ведь нашли одежду раздвинутой), приоткрыл дверцу шкафа – и побежал по дому, сообщать, что Тишкина убили. Скажите, а костюм свой он тогда зачем ему подарил? Причем прямо накануне убийства?

– Да, этот костюм мне тоже покоя не дает, – признался Гуров. – Это надо же случиться такому совпадению: хозяин никогда не дарил своему секретарю никакой одежды, а в этот день возьми и подари. И в этот же день Тишкина убивают. Не верю я в совпадения.

– Если принять версию, что убийца – Кривулин, то костюм как раз находит свое объяснение, – произнес Синичкин. – Скажем, хозяин подарил его, чтобы усыпить возникшие у секретаря подозрения, заверить его в своем хорошем отношении.

– Вот видишь! – воскликнул Гуров. – Значит, версию о виновности Кривулина нельзя сбрасывать со счетов.

– Хорошо, а почему в таком случае была убита Настя Тишкина? – спросил Синичкин.

– Она могла обладать какой-то важной информацией, которая могла разоблачить убийцу. То есть она сама не знала, насколько важна эта информация, не придавала ей значения. Но в какой-то момент могла случайно проговориться. Допустим, тебе сказать.

– Вы о какой информации говорите?

– Ну, допустим, брат во время последней встречи с сестрой что-то ей такое сказал. Например, что узнал какую-то тайну об операциях своего шефа. Или что у него есть подозрения относительно Кривулина. Или вот что: накануне убийства Настя, убирая кабинет, могла заметить приготовленные перчатки и веревку. После смерти брата она, находясь в смятении чувств, об этом забыла, но потом могла вспомнить.

– А что, логично! – медленно произнес Синичкин.

– Вот видишь! То есть Кривулина из числа подозреваемых мы не вычеркиваем. Но, кроме него, там хватает людей. И главные в этом списке – Глушаков, Петриченко, Жилкин, Муртазин и Чанба. То есть все, кто в момент убийства находился или мог находиться в усадьбе и кто мог задушить Тишкина.

– Ну, Муртазин к моменту убийства был уже дома, – заметил капитан. – А что касается повара, то вы же сами сказали, что он отличается хлипким телосложением. Про Чанбу ничего не могу сказать, но мне не верится, что он убийца. Так что остаются только Жилкин и Глушаков.

– Алиби Муртазина у нас не доказано, – возразил на это Гуров. – А что касается повара, ты же сам говорил, что адреналин может стать отличным стимулятором, и хлипкий повар может набраться сил, чтобы задушить еще более слабого секретаря. Но я согласен с тем, что главными подозреваемыми на сегодняшний день у нас являются Жилкин и Глушаков. Оба в момент убийства находились в усадьбе, у обоих нет алиби...

– А мотив?

– Мотив убийства секретаря в этом случае очевиден – деньги. А Настя, как и в случае в Кривулиным, могла пострадать из-за того, что увидела или услышала что-то лишнее. Что-то, что могло изобличить убийцу.

– А кого вы больше подозреваете? – спросил капитан.

– Глушакова, – не задумываясь, ответил Гуров. – У него потребность в деньгах больше, чем у водителя. Любовь такой красотки, как наша Татьяна, дорого стоит. Если он захочет ее сохранить или тем более увести от хозяина, нужны очень большие деньги. Кроме того, он человек безжалостный, лишенный каких-либо сантиментов. Я вроде бы научился в людях немного разбираться. И я тебе скажу – этот Боря Глушаков вполне способен на убийство. В том числе двойное.

– А Жилкин что, не способен? – усмехнулся капитан. – Сами знаете, какое у него прошлое...

– Прошлое, конечно, плохое, – согласился Гуров. – Но Жилкин – совсем другой человек, чем Глушаков. Ограбить он вполне может. Но убить из-за денег... Сомневаюсь. Во всяком случае, все эти версии надо проверить. Давай сделаем так. Ты отправишься в поселок и постарайся проверить Муртазина. Прежде всего его алиби. Поговоришь с соседями, узнаешь, во сколько он вернулся домой – и позавчера, и вчера. Желательно узнать, не лежит ли у него где-то в сарае моток бельевой веревки, от которого недавно отрезали два куска, а рядом – хлопчатобумажные перчатки...

– Вы что же, думаете, что убийца – если Муртазин убийца – будет хранить копеечные перчатки?

– А ты не заметил, какая определяющая черта нашего егеря? – спросил Гуров.

– Ну, наверное, любовь к охоте, к лесной жизни, – ответил Синичкин.

– Нет, не это, – покачал головой Лев. – Я бы сказал, что главная его черта – это жадность. Живут с женой вдвоем, без детей, он неплохо зарабатывает, да еще постояльцев пускают – и при этом он не стесняется украсть пачку этих, как ты выразился, копеечных перчаток. Такой бережливый человек может и веревку отрезанную сберечь. Во всяком случае, ты посмотри. А я здесь погляжу и пораспрашиваю наших фигурантов. Может, чего и расскажут.

– И с кого собираетесь начать? – спросил Синичкин. – С Жилкина или с Глушакова?

– Ни с того, ни с другого, – ответил Гуров. – Начать я хочу с «теплой парочки» – нашего управляющего и повара Леша. Мне кажется, что это направление – наиболее перспективное.

– А мне кажется, что Чанба уже все рассказал, что знал, – заметил капитан. – О чем вы еще хотите его спросить?

– А я и не собираюсь его спрашивать, – заявил Гуров. – Я хочу на него поглядеть. Но не сейчас. Чуть позже – вечером.

Глава 12

Остаток дня Гуров провел в усадьбе. Он неторопливо прохаживался по парку и беседовал со встречавшимися ему по дороге обитателями «Аркадии». Так, встретив садовника Вишнякова, он повел разговор вначале об устройстве парка, о месте в нем разных кустов и деревьев. Потом, как бы невзначай, перевел разговор на те кусты, возле которых позавчера садовник слышал разговор управляющего с поваром. Особенно Гурова интересовала та часть подслушанного садовником разговора, в которой повар отвечал на упреки управляющего и обещал «все заплатить».

Выспросив все досконально, сыщик развернулся и двинулся к дому. Здесь, на лужайке перед домом, он встретил повара Петриченко. Тот как раз отдыхал после приготовления обеда: сидел на скамейке и курил. Гуров подсел к нему и стал расспрашивать – но не про позавчерашний разговор с управляющим, а про вчерашний вечер, когда повар вот так же курил на скамейке. Выяснилось, что Петриченко помнит этот момент. Помнит и то, как из дома выглянул водитель Сергей, они перекинулись парой фраз, после чего водитель снова скрылся в доме, и больше в тот вечер Алексей его не видел.

Поговорил Гуров и с охранником Глушаковым. На этот раз сыщика интересовало не свидание с Татьяной, а данные охранником показания насчет подозрительного человека, которого он якобы видел в углу парка. Сначала Глушаков упорно утверждал, что подозрительный незнакомец действительно был. Но, припертый к стене вопросами Гурова, в конце концов, признался, что никакого подозрительного типа в углу парка не было, что он его выдумал, чтобы скрыть факт своего свидания с Татьяной.

Затем Гуров беседовал с водителем Жилкиным. Теперь его интересовала та часть рассказа водителя о его свидании с Настей, когда он, уже после встречи с девушкой, выбежал в гостиную и не увидел в ней неизвестного, который подслушивал их разговор.

– А не могло быть так, – спросил Гуров, – что этот человек, который тебя подслушивал, вбежал на второй этаж и спрятался там за углом? Но ни в одну комнату не вошел – потому что ему там нечего было делать, потому что это не Кривулин и не Татьяна?

– Да, наверное, могло, – подумав, ответил водитель. – Я ведь вверх не поднимался. А там есть такой закуток, возле кабинета Егора Борисовича, который снизу не просматривается.

– Значит, это мог быть кто-то, кроме Кривулина и Татьяны, – продолжал Гуров. – Например, Глушаков. Или Вишняков...

– Вы опять хотите, чтобы я на других наговорил, – мгновенно рассердился Жилкин. – А я уже говорил и сейчас повторю: стукачом отродясь не был и не буду! А про ваши версии одно могу сказать: Вишняков тут точно ни при чем.

– Это почему же?

– Он мужик такой... с принципами. Не из блатных, это точно.

– А что, думаешь, те, что с принципами, не убивают?

– Убивают, наверное, – пожал плечами Сергей. – Я все же человек молодой, опыт у меня меньше вашего. И я могу представить, как такой человек вроде Александра Ермолаевича дойдет до какого-то края... ну, за ребенка своего мстить будет или еще что такое... Но убить из-за денег – нет, это не он. Вычеркните его из ваших списков.

– А Глушакова не вычеркивать? Или Чанбу? Или Муртазина?

– Об этом я ничего говорить не буду! – набычился водитель. И сколько Гуров его ни спрашивал, ничего больше не сказал.

Что касается управляющего, то он, видимо, понимая, что от вопросов полковника ему никуда не уйти, сам нашел Гурова и предложил:

– Я знаю, дорогой, что вам нужно всех опросить. Давайте спрашивайте меня. Я все как на духу отвечу!

Однако Гуров его удивил.

– Нет, не стану я вас спрашивать, – сказал он. – Все, что мне нужно, я и так знаю. А не знаю, так узнаю. Но другим путем.

– Это каким же? – насторожился управляющий.

– Разные пути есть, – туманно ответил Лев. – Потом узнаете. А сейчас я, пожалуй, отправлюсь к себе в санаторий. Устал я у вас. Весь день тут провел.

Действительно, солнце уже село, смеркалось, небо над морем окрасилось в оранжевые, золотистые, лимонные тона. Гуров распрощался с озадаченным управляющим, снова разыскал Сергея Жилкина и сказал, что собирается обратно в санаторий.

Жилкин высадил Гурова на площадке перед корпусом, развернулся и уехал. Тогда Гуров достал телефон и набрал номер капитана Синичкина.

– Ну, что, успел что-нибудь узнать? – спросил он.

– Да, кое-что выяснил, – ответил капитан. – Могу рассказать. Вы где?

– У себя, в санатории.

– Тогда я скоро подъеду, – пообещал Синичкин.

И действительно, спустя пятнадцать минут машина капитана затормозила у ворот санатория.

– Пошли, пройдемся немного, – предложил Гуров. – По дороге все и расскажешь.

Они двинулись по аллее, обсаженной пальмами, и капитан принялся рассказывать:

– Сразу скажу: проникнуть в дом Муртазина не удалось. Егерь выполнил ваше предписание, сидит дома. Я взял с собой молодого оперативника, он должен был сыграть роль отдыхающего, который хотел бы снять у них комнату и под этим предлогом походил по двору, заглянул туда-сюда. Но поскольку дома были и жена, и муж, из этого бы ничего не вышло, и я от этого плана отказался. Зато походил по поселку, поговорил с соседями. И вот что выяснилось. Вчера Муртазин и в самом деле вернулся рано, как он нам и говорил. Об этом мне все говорили. Его аж шесть человек видели, так что на вчерашний день алиби у него безупречное.

– А на позавчерашний?

– С позавчерашним вечером хуже. Не нашлось ни одного человека, который бы видел, как Муртазин вернулся домой. Люди в поселке ложатся поздно, многие до полуночи остаются на ногах: или телевизор смотрят, или просто сидят, разговаривают.

– А жена что говорит?

– Сегодня я с этой Равией беседовать не стал, – объяснил Синичкин. – Но я ведь вчера у нее показания снимал. Несколько раз, в разных местах допроса, спрашивал: во сколько муж вернулся домой? И она всегда отвечала одно и то же: «Я, дескать, легла спать, но еще не заснула, и слышала, как он пришел. Примерно в половине двенадцатого, может, чуть позже».

– То есть она полностью подтверждает показания мужа?

– Да, подтверждает, – кивнул Синичкин. – Но я иного и не ожидал. Было бы странно, если бы она говорила иначе. Муж и жена – одна сатана...

– То есть, если исключить показания Равии, иных свидетелей, которые бы подтвердили, что Муртазин позавчера вернулся домой до двенадцати часов, нет, – заключил Гуров. – Значит, алиби на вечер первого убийства у него нет. Он мог вернуться позже, мог вообще не вернуться домой. Мы этого не знаем. Но если мы оставляем его в числе подозреваемых по убийству Петра Тишкина, то из числа подозреваемых в убийстве Насти его надо исключить – тут у него прочное алиби. Что же у нас выходит?

– Выходит, что убийц двое, – сказал Синичкин.

– Вот именно! – кивнул Лев. – А так не годится. То есть, возможно, так оно и есть, но сначала надо отработать все версии с одним убийцей. И вот этим я сегодня и намерен заняться.

– То есть вы хотите снова вернуться в усадьбу?

– Нет, туда я не собираюсь, – покачал головой Гуров. – Что там делать на ночь глядя?

– Где же тогда вы будете проверять эти версии?

– В поселке. А если точнее – где-нибудь поблизости от дома уважаемого управляющего виллой «Аркадия» Константина Семеновича Чанбы.

– Так вы подозреваете в убийстве управляющего?! – удивленно воскликнул Синичкин. – Вы мне об этом не говорили...

– Я пока не знаю, виновен ли он в убийстве, – ответил Гуров, – но одно знаю точно – управляющий упорно лжет. А это подозрительно.

– И по поводу чего он лжет?

– Вечером накануне убийства Тишкина управляющий о чем-то беседовал с поваром, – объяснил Гуров. – Причем речь шла, как видно, вовсе не о расходовании продуктов или качестве приготовленного мяса. Для свой беседы эти двое выбрали площадку за кустами, за углом дома. Почему? Для того, чтобы их никто не услышал. Однако их слышали: и Настя Тишкина, и садовник Вишняков. Правда, Настя не разобрала, с кем беседовал управляющий, и решила, что это охранник. А вот садовник уверенно показал, что Чанба беседовал именно с поваром. Мало этого, он даже разобрал часть содержания беседы. Управляющий требовал, чтобы Петриченко заплатил деньги, какой-то долг, а тот обещал выполнить это требование.

– Заплатить? Долг? Очень интересно! А Петриченко что? Он подтверждает факт этой беседы?

– В том-то и дело, что нет. Петриченко врет так же, как управляющий. Мы с ним дважды беседовали, и он ни словом не упомянул об этой встрече. Я специально не стал его прижимать – понимал, что он спешно выдумает какое-нибудь подходящее объяснение, а сам будет настороже. А мне не хотелось, чтобы он был настороже. Дело в том, что, как я установил, Петриченко врет не только в этом пункте. Он вообще неправильно описывает, как проводил тот вечер, когда убили Тишкина.

– А в чем расхождения?

– Повар заявил, что смотрел телевизор вместе с водителем Жилкиным. И это правда – это подтверждает и Жилкин, и Настя Тишкина говорила мне, что видела, как повар с водителем смотрели телевизор. Но в одиннадцать часов бокс кончился, и водитель ушел спать. Петриченко говорит, что он продолжал сидеть у экрана еще долго – смотрел боевик с Харрисоном Фордом. Так вот, я проверил: никакого боевика с Фордом в тот вечер не показывали.

– Может, он просто актера спутал? – предположил капитан. – Ничего особенного, со многими бывает.

– Нет, дело не в Форде. Вообще боевиков в это время не показывали, понимаешь? Ни по одному каналу! Мелодрамы шли, мистика всякая шла – а боевиков не было. И это означает одно: повар лжет. Почему? Вот это я и хочу выяснить.

– Но почему в поселке?

– Потому что повар каким-то образом связан с управляющим, – объяснил Гуров. – А где у них могут быть какие-то особые отношения? Ясное дело, что не в усадьбе – здесь каждый человек на виду у еще девяти других обитателей виллы. По крайней мере, до этих убийств так было. Сейчас стало на двух свидетелей меньше... Может быть, в этом как раз и были заинтересованы повар и управляющий? В общем, я считаю, что у повара Петриченко, помимо его дневной жизни, проходящей на глазах у всех, есть и другая – ночная. И протекать она должна в поселке. Или еще дальше. И эту ночную жизнь повара я хочу проверить.

– Но Петриченко не может после двенадцати выбраться из усадьбы, а потом незаметно вернуться! – воскликнул Синичкин. – По двум причинам. Во-первых, территория охраняется собаками. А они слушаются только двух людей – охранника и управляющего. А во-вторых, ворота заперты, и ключ только у охранника.

– И в этом ты тоже ошибаешься, – заявил Гуров. – Обе твои «неодолимые преграды» можно легко обойти. И Петриченко, уверен, их давно научился обходить.

– Каким же образом?

– Скажи, какому человеку, кроме хозяина – а для собак таким хозяином являлся охранник, который их кормил, – легче всего получить симпатию косматых сторожей? Тому, кто распоряжается пищей. Кто всегда может найти кусочек мяса или косточку, чтобы дать их Багире и Рексу? Если повар хотел задобрить собак – он мог это сделать за неделю. А что касается ключа... Во-первых, можно сделать дубликат, а во-вторых, ключ можно попросить у того же охранника. И если сопроводить просьбу каким-то подарком – думаю, он не откажет.

– То есть вы полагаете, что Петриченко ночью куда-то отлучается? И охранник об этом знает?

– Знает, и получает за каждую такую отлучку свою мзду.

– Значит, вы хотите отправиться в поселок, к дому Чанбы, и полагаете, что Петриченко тоже туда придет?

– Да, мне так кажется. Хотя, конечно, было бы правильнее, если бы кто-то один дежурил возле дома управляющего, а другой следил за ночным походом повара...

– Я вас понял, – сказал Синичкин. – Конечно, я вам помогу. Где вы хотите, чтобы я был? Чтобы следил за Петриченко?

– Совершенно верно, – кивнул Гуров. – Дело в том, что я для себя уже выбрал способ, с помощью которого прослежу за домом управляющего и останусь при этом незамеченным. К тому же у меня нет машины, да и годы не те, чтобы за поварами бегать.

– Хорошо, я сегодня сразу после одиннадцати засяду возле виллы и буду следить, – пообещал Синичкин. – Если Петриченко направится к дому Чанбы, мы с вами там встретимся. Если в другое место – я вам потом расскажу куда.

– В любом случае давай завтра в девять утра встретимся здесь, в санатории, – предложил Гуров. – Обменяемся впечатлениями о ночной прогулке и наметим план дальнейших действий.

Глава 13

Константин Семенович Чанба обитал в крепком двухэтажном доме в десяти минутах ходьбы от моря. Кроме двух основных этажей, дом имел еще обширную веранду, два флигеля, а на крыше – современную мансарду. Хорошо положенная штукатурка, стеклопакеты в окнах, кондиционеры на каждой стене – можно сказать, что дом управляющего виллой «Аркадия» был одним из самых больших и богатых в поселке. Никакого душа на улице, тем более туалета – жилище Константина Семеновича имело все положенные удобства. И прилегавший двор, и забор тоже были под стать дому. Забор, правда, не очень высокий – в поселке Солнечная бухта, как и на всем Черноморском побережье, не приняты трехметровые заборы, их только приезжие строят, – зато крепкий и надежный. А двор выложен камнем, в который были вделаны цветные фонарики: ночью они загорались, и получалось очень красиво.

Собак Константин Семенович не держал – ни к чему это, одно беспокойство от псин. И постояльцев не пускал – он зарабатывал достаточно, не нужно ему было все лето тесниться, на чужое белье смотреть, всякие глупости слушать. Каждый вечер в половине двенадцатого Константин Семенович запирал калитку и уходил в дом. Весь его вид при этом говорил – все, спать ложимся.

Так поступил он и в этот вечер. Прошел через двор, выглянул на улицу. Все было как обычно. Солнце давно село, стало прохладно. В воздухе одуряющее пахло магнолиями, лавром, какими-то цветами. Чуть ниже по улице, на повороте, горел фонарь на маленьком пятачке. Там стоял столик, вокруг него сидела группа местной молодежи – в нарды играли. Возле низкой ограды на скамейках сидели несколько отдыхающих – две женщины средних лет и старик с палкой, смотрели на море. Чанба тоже посмотрел. С моря дул сильный ветер, там собирались тучи, время от времени сверкали молнии. Значит, ночью дождь будет, решил Константин Семенович. Впрочем, его планам дождь не мешал.

Он запер калитку, прошел к дому, однако внутрь войти не стал. Вместо этого обогнул дом, вышел к той стороне двора, что примыкала к горе. Там в стене была еще одна калиточка, совсем неприметная, зато снабженная электронным замком и еще телекамерой. Чанба проверил, работает ли замок, все ли в порядке. Тут как раз послышались шаги, и к калитке подошел человек, хорошо знакомый Константину Семеновичу, – Георгий Лакоба, живший в трех кварталах от него.

– Добрый вечер, Константин Семенович! – приветствовал он хозяина. – Как, войти можно?

– Входи, дорогой, – ответил ему Чанба. – Ты сегодня первый, придется тебе немного подождать.

– Ничего, я подожду, – согласился гость.

Константин Семенович нажал кнопку, открывая гостю калитку, после чего они вместе ушли в дом. Прошло еще немного времени – минут пять или десять, – и возле калитки появился еще один человек. Он тоже был местный, и его Чанба тоже встречал лично.

– Ну что, люди собираются? Работа будет? – спросил гость.

– Обязательно будет! – заверил его хозяин. – Один уже дожидается, сейчас и остальные появятся.

Они вошли в дом, и больше хозяин на встречу с гостями уже не выходил. А те, как верно заметил Чанба, появлялись один за другим. Все нажимали неприметную кнопку звонка, расположенную на ограде рядом с калиткой, при этом вставали так, чтобы их было видно в телекамеру. Слышался щелчок, калитка распахивалась, и очередной гость входил во двор, после чего запирал за собой калитку. Часть пришедших составляли местные жители, но большей частью это были приезжие, жившие кто в санаториях и домах отдыха, кто на квартирах. Все

мужчины – ни одной женщины. И еще одна общая черта была у ночных гостей Константина Семеновича – по их одежде, а также по манере держаться можно было заключить, что они – люди далеко не бедные.

Некоторые из гостей шли к калитке прямо, не оглядываясь, а некоторые (в основном местные), перед тем как свернуть с улицы в узкий проулок, ведущий к калитке, посматривали по сторонам. Однако и эти внимательные люди ничего подозрительного не видели. Игроки в нарды уже закончили свою игру и ушли, отдыхающие, любовавшиеся морем, тоже разошлись, на всей улице не осталось ни одного человека.

Правда, если бы кто-то из гостей задержался и внимательнее взгляделся в покрытый лесом холм, примыкавший к задней стороне дома Константина Семеновича, то он, при хорошем зрении и наблюдательности, мог бы заметить фигуру человека, спрятавшегося за одним из стволов. А если такой бдительный гость захотел бы войти в лес и проверить, что это за наблюдатель, он бы обнаружил, что это тот самый старик с палкой, который два часа назад прогуливался вокруг дома Чанбы, а час назад вместе с группой отдыхающих сидел на углу возле ограды и любовался на море. Однако никто из гостей Константина Семеновича такой любознательности не проявлял, и любопытный наблюдатель оставался незамеченным. Он внимательно следил за приходом гостей, ведя им счет. Особенно его заинтересовал худощавый парень, явно не из местных, который подошел к калитке одним из последних. Наблюдатель, притаившийся на горе, проследил, как парень вошел в дом, после чего стал приглядываться к улице. Вскоре на ней появился еще один человек. Он дошел до проулка, ведущего к калитке, заглянул в него, однако к калитке подходить не стал. Вместо этого перешел на другую сторону улицы и занял позицию за густым деревом, за которым его было практически не видно. Тогда старик с палкой покинул свою позицию на склоне холма и направился напрямик к этому наблюдателю.

– Ну, что, капитан, хорошо спрятались? – негромко спросил он, подойдя поближе.

– Вот это да! – воскликнул в ответ человек за деревом. – Лев Иванович! Никогда бы не узнал вас в этом маскараде! Отлично замаскировались!

– Давайте-ка я к вам присоединюсь, – сказал Гуров, который и скрывался под обликом отдыхающего пенсионера с палочкой. – Нечего мне посреди улицы торчать. Не ровен час, кто-нибудь из дома выглянет, увидит. – Он зашел за дерево, где стоял капитан Синичкин, и спросил: – Я вижу, ваш подопечный уже там. Ну, как он открывал ворота – свои ключом или ему открыл охранник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.